

Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. [Хроника моей жизни:] Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы [Тихомирова], архиепископа Тверского [и Кашинского] († 13 октября 1896 г.): Том 2. (1851—1862 гг.) Годы: 1851—1852] // Богословский вестник 1898. Т. 2. № 5. С. 1—48 (3-я пагин.). (Продолжение.)

1851 г.

Послѣ утверждѣнія въ степени магистра богословія я еще 1851 г. съ большимъ противъ прежняго рвеніемъ сталъ относиться къ исполненію своихъ обязанностей по должности Синодальнаго ризничаго и съ большимъ прежняго благодушіемъ относиться ко всѣмъ окружавшимъ меня и ко всему, со мною и вокругъ меня происходившему.

15-е ч. августа—храмовой праздникъ въ первопрестольномъ храмѣ древней столицы, посвященномъ памяти Успенія Пресвятой Богородицы.

Празднество начинается обыкновенно съ вечерни предъидушаго дня. Благовѣсть къ малой вечернѣ на Ивандовской колокольнѣ пачинается въ 3 часа пополудни. Послѣ малой вечерни, которую правятъ одни соборяне, совершается торжественный молебенъ Божіей Матери. Къ молебну пріѣзжаетъ митрополить и прочіе архіереи, находящіеся въ столицѣ, а также всѣ настоятели Московскихъ монастырей и соборовъ. На всенощномъ бываетъ одинъ архіерей—викарій. Въ самый день праздника литургію совершаетъ обыкновенно митрополить, иногда въ сослуженіи викарія. На литургіи употребляются самыя драгоцѣнныя утвари. Послѣ обѣдни митрополить и прочее духовенство идутъ, при торжественномъ звонѣ, въ маптѣяхъ, въ такъ называемую Муроварную палату, находящуюся въ бывшемъ Патріаршемъ (нынѣ Синодальномъ) домѣ. Здѣсь готовится частію на сумму, отпускаемую изъ казны, а частію на счетъ соборнаго старосты, праздничная трапеза, къ которой, кромѣ старшаго духовенства, приглашаются высшія военныя и гражданскія власти. Во время стола поютъ концерты синодальныя пѣвчіе. Столъ украшается древними серебро-позлащенными кубками, приносимыми на этотъ разъ изъ Патріаршей ризницы.

1851 г. 22-е число—день священнаго коронавія и помазанія на царство Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича. День этотъ въ Москвѣ, какъ и во всей Россіи, ежегодно воспоминался торжественнымъ образомъ: но въ 1851 году этотъ достопамятный день ознаменованъ былъ для Москвы сугубымъ торжествомъ. Къ этому дню благоволилъ прибыть въ Москву, со всею почти царскою фамиліею, Государь Императоръ Николай Павловичъ, для празднованія двадцатипятилѣтія своего вѣнчанія на царство. Но между тѣмъ какъ прочія сословія столицы оказались почти равнодушными къ столь знаменательному дню своего Самодержца, маститый архипастырь Москвы одинъ сумѣлъ, отъ имени подвѣдомаго ему духовенства столицы, достойнымъ образомъ ознаменовать этотъ день и выразить, при настоящихъ обстоятельствахъ, предъ Монархомъ свои и вѣреннаго ему духовенства вѣрноподданническія чувства. Онъ заблаговременно поручилъ извѣстному московскому серебряныхъ и золотыхъ издѣлій фабриканту Сазикову приготовить золотое изображеніе голубя—символь третяго лица Пресв. Троицы, съ Императорскою надъ нимъ короною и хартіею, на которой вырѣзаны начальныя слова молитвы, читаемой Государемъ при совершеніи царскаго Коронавія. Изображеніе это предназначалось для алтаря Успенскаго собора, въ замѣнъ висѣвшаго тамъ надъ престоломъ золотого голубя, въ которомъ обыкновенно хранились запасныя св. Дары, и въ 1812 г. похищеннаго французами ¹⁾. Когда почившій въ Бозѣ митрополитъ Филаретъ, испросивъ предварительно у Государя аудіенцію, представилъ Его Величеству наканунѣ дня празднованія Коронаціи этотъ свящ. даръ, Государь принялъ его съ необычайною радостію и выразилъ чувства своей Монаршей признательности къ митрополиту въ самомъ лестномъ рескриптѣ, который поданъ былъ Владыкѣ, во время литургіи въ Успенскомъ соборѣ, когда святитель, во время чтенія апостола, возсѣдалъ на

1) Объ этомъ приношеніи своемъ митрополитъ писалъ, между прочимъ, преосвящ. Іосифу, еписк Оренбургскому, впоследствии Воронежскому, отъ 13-го дек. 1851 г. — См. *Чт. общ. люб. дух просвѣщ.* 1871 г., II, 29, стр. 39.—О томъ же писалъ Владыка преосвящ. Гавріилу, архіеп. Рязанскому въ письмѣ отъ 6-го апр. 1852 г.

горнемъ мѣстѣ. Владыка, раскрывъ пакетъ и прочитавъ 1851 Высочайшій рескриптъ, въ виду всѣхъ, перекрестился и поцѣловалъ оный. Сверхъ сего, при особомъ рескриптѣ митрополиту пожалована была панагія, осыпанная алмазами.

Въ это время, благодаря своей должности, я имѣлъ счастье встрѣтиться лицомъ къ лицу и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ Августѣйшихъ особъ. Прежде всѣхъ посѣтили Синодальную ризницу и библіотеку, подъ руководствомъ генерала Зиновьева, въ Бозѣ почившіе: Цесаревичъ Николай Александровичъ и Государь Императоръ Александръ Александровичъ. Были за тѣмъ нѣкоторые изъ иностранныхъ принцевъ и принцессъ, между прочимъ, принцесса Саксенъ-Веймарская.

Между тѣмъ не прекращалась и моя корреспонденція.

24-го авг. писала мнѣ изъ Хотимля сестра Прасковья Михайловна:

„Честнѣйшій во іеромонасѣхъ, достопочтеннѣйшій и любезнѣйшій братецъ отецъ Савва

здравствуйте!

Письма Ваши, первое со вложеніемъ 2-хъ рублей сер., посланное еще предъ Рождествомъ съ Васильемъ Васильевичемъ, а другое со вложеніемъ 3-хъ рублей сер., посланное чрезъ почту, я получила и за сіе ваше благодѣяніе и неоставленіе приношу величайшую благодарность.

Любезнѣйшій братецъ! вы знаете мое состояніе, знаете мою несчастную жизнь, и въ комъ мнѣ болѣе найти отрады и утѣшенія кромѣ васъ, а потому я опять припадаю къ стопамъ вашимъ и хотя со стыдомъ прошу васъ, нельзя-ли еще помочь мнѣ и прислать рублика три серебр., — прошу, и неотступно прошу исполнить мою просьбу. Я и сама собиралась идти къ вамъ, но вы знаете—теперь работа, а мое такое дѣло, хоть хлѣба не даютъ, а работать работой; если жива буду, постараюсь придти въ будущую весну.

Болѣе писать нечего. За симъ остаюсь любящая васъ сестра ваша Прасковья Михайловна жива и здорова“.

3-го сентября писалъ мнѣ товарищъ по академіи А. Е. Викторовъ, который, живя въ Москвѣ безъ должности, весьма часто посѣщалъ меня и котораго потомъ рекомен-

1851 г. доваль я на службу въ архивъ Минист. Иностр. дѣлъ, къ князю М. А. Оболенскому. Вотъ содержаніе его письма:

„Спѣшу сообщить вамъ о результатахъ моего пришествія къ князю, спѣшу особенно потому, что я опять принужденъ васъ беспокоить моею покорнѣйшею просьбою. Странное дѣло! какъ посмотрю я на свои отношенія къ вамъ, на мои постоянныя докучки, на безпокойства, которыя я вамъ причинялъ и причиняю, — то представляется, что какъ будто сама судьба преслѣдуетъ меня. Вотъ на примѣръ на новомъ мѣстѣ вашемъ, гдѣ вы не у себя дома, а сами въ гостяхъ, я твердо рѣшился бы не беспокоить васъ болѣе своими посѣщеніями, своими постоянными докучными просьбами, то о томъ, то о другомъ. Давно уже, а теперь особенно, я вполне созналъ было, что мнѣ, кругомъ обязанному вами, наконецъ нужно-же, какъ говорится, знать и честь, что наконецъ пора-же мнѣ умѣрить свою дерзость и притязательность на одолженія съ вашей стороны; но увы! Я долженъ былъ споткнуться на самомъ первомъ шагу своей рѣшимости. На другой-же день послѣ вашего переѣзда я долженъ былъ, вышедши изъ дверей князева дома, направить путь свой прямо къ вамъ. Не стану описывать, сколько я долженъ былъ передумать, идя этой косвенной дорогой, какъ больно было мнѣ снова явиться къ вамъ съ обыкновенными докучными просьбами и особенно какую хандру на меня навело то, что я встрѣтился съ вами въ такое время, когда вовсе не хотѣлъ бы встрѣчаться! Что пользы въ подобныхъ описаніяхъ, какъ бы ни были они искренни! — Обращусь лучше къ вамъ съ другими словами: Добрый, добрый мой отецъ Савва! я безконечно благодаренъ вамъ за все, что вы для меня сдѣлали, но ради Бога не оставляйте меня, пока совершенно не устроится судьба моя! — Позвольте по прежнему хотъ изрѣдка посѣщать васъ иногда съ нуждою, а иногда и безъ нужды! Но извините меня, я увлекся переполнившими меня чувствованіями и доселѣ не объяснилъ вамъ ни результатовъ своего путешествія къ князю, ни своей просьбы къ вамъ. Странно, конечно, что я, имѣя возможность быть у васъ и говорить съ вами завтра же, пишу къ вамъ такое длинное посланіе; но мнѣ какъ-то совѣстно говорить вамъ подобное на словахъ, отъ того я и пишу на бумагѣ. Теперь приступаю къ самому дѣлу.

У князя я просидѣлъ часа три. Былъ разговоръ о 1851 и
всемъ, а больше ни о чемъ. Заданное мнѣ дѣло онъ от-
мѣнялъ или, по крайней мѣрѣ, отсрочилъ; онъ сталъ со-
вершенно равнодушенъ къ нему, когда я сказалъ ему, что
отысканное и данное имъ мнѣ сказаніе о „несѣдальномъ“
есть въ печати,—велѣлъ только мнѣ записать на той же
тетради, въ какой именно тріоди оно печатается,—въ пост-
ной, или въ цвѣтной, а то, прибавилъ онъ, есть какая-то
тріодъ цвѣтная! О, глубина его премудрости!

За тѣмъ принесъ кипу тетрадей, долго рылся, досталъ
одну тетрадь съ выпискою изъ Амартола и велѣлъ мнѣ
сличить ее съ экземплярами, имѣющимися въ вашей биб-
ліотекѣ. Потомъ принесъ имѣющійся у него каталогъ Си-
нод. бібліотеки, нашелъ тамъ № одной рукописи и велѣлъ
мнѣ сдѣлать изъ нея выписку. Тутъ я замѣтилъ ему, что
о. ризничій навѣрно затруднится дать мнѣ рукопись для
списыванія по опасенію, что вы сдѣлаете изъ нея публич-
ное употребленіе; на это онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ, по-
жалуй, самъ попроситъ васъ, что онъ, если захочетъ пе-
чатать, то самъ вытребуетъ рукопись чрезъ контору, что
онъ не думаетъ, чтобы вы затруднились дать мнѣ рукопись.
Наконецъ, онъ велѣлъ мнѣ успокоить васъ, что онъ из-
влеченія печатать не будетъ,—велѣлъ вамъ кланяться и
просить васъ отъ его имени дать мнѣ рукопись. Потомъ
велѣлъ мнѣ, кончивши дѣло, принести его къ нему дня
черезъ три и явиться въ архивъ, гдѣ онъ заставитъ меня
заниматься.

Теперь видите, въ чемъ моя просьба къ вамъ. Не нужно
дополнять, что если я не исполню порученія князя, то
могу лишиться всего, и тогда, конечно, онъ посмотритъ на
меня другими глазами, когда я приду въ архивъ. Потому
прошу васъ ради Бога, если завтра, т. е. въ четвергъ,
будете въ бібліотекѣ, возьмите оттуда нужныя мнѣ руко-
писи и позвольте у васъ изъ одной сдѣлать выписки, а
съ другими сличить данную мнѣ имъ тетрадь. Рукописи
мнѣ нужны:

1. Слав. рук. подъ № по стар. кат. 145, по новому
подъ № 2291. (Не знаю, что, по его мнѣнію, значатъ слова:
ст. и нов. кат.; только въ этой рукописи содержится со-
браніе привѣтствій госуд., патр.) и проч...

1851 г. 2. Георгія Амарт. 2 экз. 1 экз. подь № 732, 2 подь № 148.

3. Греч. рукоп. извѣстную подь имен. Симеона Логов. подь № 264-мъ по Мат. 251.

Ожидаю рѣшенія своей участи

Навсегда благодарный вамъ А. Викторовъ.

Я буду у васъ завтра вечеромъ или не лучше-ли до пятницы подождать?“

18 числа писалъ мнѣ изъ Владиміра новонареченный профессоръ семинаріи Г. П. Быстрицкій. „Честь имѣю и васъ привѣтствовать съ утвержденіемъ магистерства и полученіемъ магистерскаго креста. Такъ поздно, да что дѣлать?“

15-го ч., т. е. въ субботу и я получилъ отъ отца ректора аттестатъ, и приказаніе замѣнить скромное имя „учителя“ на громкое „профессора“. Прихожу въ понедѣльникъ въ классъ, оканчиваю его, подають журналъ, и я подписываю: „профессоръ NN“. Цензоръ сейчасъ, какъ диковинку, спѣшитъ показать другимъ, и всѣ спѣшатъ посмотреть,—а мнѣ смѣшно, смѣшно. Аттестатъ мой очень хорошъ, исключая языковъ; по всѣмъ прочимъ предметамъ дана рекомендація: „отлично хорошо“. Спасибо о. ректору Алексѣю. А по нѣмецки получилъ—увы! „хорошо“! Теперь ожидаю диплома, а потомъ и денегъ на степень. Послѣднія пожалуй еще не скоро вышлють.

Кстати о деньгахъ. Долгъ я надѣюсь привезти вамъ, когда приѣду въ Москву на святки; я давно уже съ вами не видался, а мнѣ очень хочется повидаться и поговорить усты ко устамъ. Мои родители вамъ свидѣтельствуютъ глубокое почтеніе и благодарять васъ за поклонъ въ письмѣ, по порученію мною переданный“.

Около того же времени полученъ былъ и мною изъ академич. Правленія печатный аттестатъ за № 265 съ собственноручными отмѣтками о. ректора, архимандрита Алексія.—Вотъ что изображено въ этомъ аттестатѣ:

„Объявитель сего, Московской Духовной академіи воспитанникъ, іеромонахъ Савва, Владимірской епархіи, Вязниковскаго округа, села Палеха умершаго пономаря Михаила сынъ, имѣющій нынѣ отъ роду 32 года, въ августѣ 1846 года поступилъ изъ студентовъ Владимірской семинаріи въ Московскую духовную академію, обучался въ ней

при способностяхъ очень хорошихъ,
прилежаніи усердномъ
и поведеніи примѣрно добромъ
наукамъ: Богословскимъ {
Философскимъ {
Всѣобщей словесности } весьма хорошо
Церковной Исторіи }
Церковному краснорѣчію }
Гражданской исторіи }
Математикѣ—хорошо

По истолкованію Св. Писанія—отлично хорошо
Языкамъ: Еврейскому—очень хорошо,
Греческому—отлично хорошо,
Нѣмецкому—очень хорошо,
Французскому —

По окончаніи курса академическаго ученія въ іюнь 1850 года, онъ, Савва, того же года Конференцею Московской д. академіи причисленъ къ первому разряду воспитанниковъ академіи, и 13-го іюня 1851 года Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, согласно представленію Конференціи, возведенъ на степень магистра.

Въ удостовѣреніе чего и данъ ему, Саввѣ, сей аттестатъ изъ академическаго Правленія за надлежащимъ подписаніемъ, съ приложеніемъ казенной академической печати августа 21-го дня 1851 года.

Московской духовной академіи Ректоръ Архимандритъ Алексій.

Инспекторъ Архимандритъ Сергій.

Профессоръ Протоіерей Петръ Делицынъ.

Секретарь Е. Амфитеатровъ“.

А вслѣдъ за тѣмъ высланъ былъ мнѣ изъ академической Конференціи и дипломъ за № 40 на званіе магистра.—Дипломъ писанъ на Латинскомъ языкѣ и вотъ что онъ гласитъ отъ слова до слова:

Sub Avspicatissimo Regimine
Augustissimi ac Potentissimi Imperatoris
Nicolai Primi
Totius Russiae Avtocratoris
Mosquensis Ecclesiasticae Academiae Conventus
pro potestate sibi concessa

1851г.

hieromonachum Sabbam Tichomiroff
ob luculenta progressuum in solidioribus ac humanioribus.
praesertim vero sacris, scientiis specimina, tam privato,
quam publico examine non semel edita,

Magistrum

sanctorum humaniorumque litterarum
solenni hoc Diplomate declarat, honoremque ei ac
privilegia,
concessa, decrevisse ac contulisse publice testatur.

A. D. MDCCCLI 24 die septembris.

Philaret M. Mosquae, Th. Doctor

Academiae Rector, Archimandrita Alexius

Academiae Inspector, Theologiae Ex. Professor, Archiman-
drita Sergius.

Philosophiae Professor, Protobresbyter Theodorus Golubinsky

Mathematicae Professor, Protopresbyter Petrus Delicin.

Historiae Ecclesiasticae Professor Alexander Gorsky.

Ab actis Professor E. Amphiteatroff“.

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра учитель дух. училища, зять Муромскаго прот. Троепольскаго И. Г. Соколовъ:

„Прежде всего глубочайшая сердечная благодарность за вашъ привѣтъ и радушіе. Жена до сихъ поръ восхищается всѣмъ, что видѣла въ вашей ризницѣ.

Бывши въ Муромѣ, мы передали вашъ поклонъ своему старцу, и онъ поручилъ намъ при случаѣ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Наконецъ, по вашему дозволенію, осмѣливаюсь напомнить о своей рукописи—Астрономической Географіи. Ровно два мѣсяца, какъ я внесъ ее въ Цензурный комитетъ; пора-бы быть ей просмотрѣнной. Если она готова, то покорнѣйше прошу взять ее оттуда и переслать, всего лучше, по почтѣ. Деньги на пересылку я доставлю.

Въ старомъ Владимірѣ все по старому. Носятся неопредѣленные слухи о штатахъ семинарій и училищъ, говорятъ, что училища измѣнятся много въ своемъ составѣ, а въ чемъ состоитъ эта перемѣна, никто здѣсь не знаетъ“.

5-го ч. писалъ мнѣ намѣстникъ Чудова монастыря, архимандритъ Богоявленскаго монастыря Іоанникій:

„Андрей Николаевичъ г. Муравьевъ, желая съ вами

видѣться, просить васъ побывать у него завтра въ 9-мь 1851 г. часу утра, и захватить съ собою рукопись, которую вы для него изготовили.

Поздравляю васъ съ новосельемъ и прошу хозяину вашему передать мой поклонъ съ желаніемъ здравія тѣлеснаго“.

Хозяинъ, о которомъ упоминается въ запискѣ, разумѣется о. Леонидъ, ректоръ Виѳанской семинаріи и настоятель Московскаго Знаменскаго монастыря, куда я, по его благоклонному приглашенію, переселился въ это время изъ кремля, по случаю перестроекъ въ Синодальномъ домѣ, къ коимъ приступлено было вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія.

9-го ч. писалъ я въ Петербургъ Андрею Никол. Муравьеву:

„Ваше Высокородіе! Милостивый государь,
Андрей Николаевичъ!

Честь имѣю препроводить къ вамъ списокъ съ дѣяній Московскаго собора, бывшаго въ 1667 г. Очень радъ, что имѣлъ случай оказать вамъ хотя нѣкоторую услугу. Со всѣмъ усердіемъ готовъ служить вамъ, чѣмъ могу, и на будущее время.

По вашему желанію, представляю при семъ счетъ издержекъ, употребленныхъ на снятіе означеннаго списка, а именно: 1) бумаги 2¹/₂ дести по 20 к.—50 к.; 2) за переплетъ —75 к., и 3) переписчику за 60 листовъ по 20 к.—12 рублей. Итого 13 р. 25 к.“.

15-го ч. писалъ мнѣ изъ Петербурга А. Н. Муравьевъ:

„Приношу вашему преподобію живѣйшую мою благодарность за присланный мнѣ списокъ съ соборнаго положенія, и при семъ прилагаю долгъ мой, исключая серебряной мелочи, которую трудно переслать по почтѣ.

Еще у меня до васъ одна есть просьба. Вѣроятно у васъ хранятся такъже и другія дѣянія соборныя, бывшія при началѣ патріаршества Никона,—о церковномъ исправленіи, такъже въ присутствіи другихъ патріарховъ восточныхъ.

Сдѣлайте одолженіе, прикажите и то переписать такимъ же образомъ и пришлите мнѣ оное, ибо оно такъже весьма любопытно; много тѣмъ обяжете искренно васъ уважающаго“...

17-го ч. получилъ я слѣдующее горестное посланіе отъ

1851 г. священника села Оомипки, Гороховскаго уѣзда, О. П. Обтемперанскаго:

„Давно-бы надлежало мнѣ отвѣтствовать на ваше дружеское письмо, но какое-то тайное предчувствіе сердца меня остановило. День за день, недѣля за недѣлю отлагалъ и ждалъ чего-то новаго и дѣйствительно кучу новостей наждалъ, но такихъ, о коихъ страшусь вамъ и писать.

Настоящій годъ есть годъ для меня страшныхъ посѣщеній Божіихъ: годъ скорби и печали, поношенія и смерти. Онъ начался невозвратною потерей для меня: въ началѣ померъ братъ старшій о. Борисъ, оставя по себѣ 7 челоувѣкъ сиротъ. По оплаканіи сей потери заботился объ устройствѣ сиротъ и при помощи Божіей успѣлъ имъ найти кусокъ хлѣба; владыка далъ зятя къ старшей дочери, конечно не безъ хлопотъ, впрочемъ и я общался поступившему помогать въ содержаніи. Еще не успѣлъ оплакать и забыть сего горя, Богъ послалъ надежъ на скотъ, отъ чего я пострадалъ не менѣе, какъ рублей на сто серебр., но это горе я забылъ очень скоро, и благодарилъ Всевышняго за его посѣщеніе. Но Господь за мои прегрѣшенія не прекратилъ своего жезла,—долго хворалъ отъ разныхъ болѣзней. И только стало полегче, поѣхалъ къ новому архипастырю для перемѣны св. антиминовъ, гдѣ надѣялся, якоже и прочіе, получить что-либо хорошее, но чего хуже ждать? Врагъ челоувѣкъ или лучше діаволь, завидуя моей добродѣтели, взошелъ въ сердце Іудино,—во единого изъ священниковъ, именно моего друга села Свята Ивана Рейпольскаго. Владыка вмѣсто благословенія и милостей кучу насаждалъ мнѣ угрозъ; оправданій не принимаетъ и я, какъ невинный ни душою, ни тѣломъ,—поторопился домой; спѣшилъ найти при разстройствѣ въ кругу семейномъ себѣ успокоеніе. Но камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу, Господи! Съ 28 на 29 въ ночи сен. пріѣхалъ въ домъ и, не воздавъ Господу благодаренія, разстроенный духомъ и обремененный печалію не успѣлъ хорошенько сомкнуть своихъ утомленныхъ очей, громкій звукъ набатнаго колокола возвѣстилъ намъ гибель неизбѣжную. Увы! погибъ, погибло все, пламя въ окнахъ льется рѣкою, нѣтъ помогающихъ, гибель неизбѣжна. Страхъ и трепеть объемлетъ душу мою! Самъ полупагой, жена въ спальномъ

одѣяннѣ, дѣти въ одномъ платьѣ могли спастись отъ сей 1851 г
гибели. Что было?—и что стало? было много, и всего лишился, наживалъ годами, въ одну минуту все исчезло. Домъ и всякое строеніе безъ остатка, имѣвіе и скотъ частію все сдѣлалось жертвою пламени. Самъ съ того времени нездоровъ, дѣти наги и босы, жена въ отчаянномъ положеніи, но съ надеждою на Бога.

Каково мое положеніе!—Какова жизнь!—каково состояніе! еще въ первый разъ послѣ тяжкаго испытанія припала рука въ дѣйствіе. Теперь вполнѣ я Іовъ; только различіе въ томъ, что тотъ страдалъ за правду, я-же за грѣхи, но за то онъ страдалъ одинъ,—мои страданія сугубы, жена и дѣти усугубляютъ ихъ. Боже, даждь ми терпѣніе! Продли скорбь! но не лиши терпѣнія. Вы-же помолитесь о мнѣ, вы праведны, Господь праведныхъ послушаетъ. Находясь въ такомъ положеніи, осмѣливаюсь припасть къ вашему милосердію, не оставьте въ молитвахъ; еще на меня возложена должность катихизатора, а владыка при укоризнахъ сказалъ, что самъ всѣ твои проповѣди перечту, но онѣ всѣ сгорѣли, а теперь писать не въ состояніи,—книги, системы, сочиненія различныхъ авторовъ—все сгорѣло. Нельзя-ли сообщить меня книжками о вѣрѣ, надеждѣ, любви, о блаженствахъ, изъясненіе символа вѣры, заповѣдей и молитвы Господней? если книжекъ нѣтъ, нѣтъ-ли рукописныхъ? мнѣ и духовное и тѣлесное нужно, я голъ и нагъ и духомъ и тѣломъ; если Господь меня исправитъ, сугубо постараюсь воздать вамъ; если въ семъ положеніи помру, не за мною первымъ пропадаютъ благодѣянія ближнихъ, да не лишите своеручнаго писанія, оно для меня утѣшительно, буду знать—праведные есть у меня знакомые:

Въ скоромъ ожиданіи при семъ несчастіи вашего утѣшенія“.

Въ утѣшеніе несчастному о. Онисиму писалъ я отъ 6-го декабря и, по возможности, исполнилъ его просьбу относительно высылки потребныхъ для него книгъ.

17-го ч. писалъ я изъ Знаменскаго монастыря въ Иваново роднымъ сестрѣ и зятю:

„Послѣ долгаго молчанія вотъ что поваго скажу вамъ о себѣ. Въ настоящую пору я живу уже внѣ кремля, именно въ Знаменскомъ монастырѣ, на Варваркѣ: это, если вы помните, недалеко отъ кремля. Перестройки у насъ на-

1851 г. чались тотчасъ по отбытіи изъ Москвы Царской фамилии. Устроить для меня новую квартиру общались было нынѣшней-же осенью: но оказалось неудобнымъ; и потому я долженъ прожить подъ чужимъ кровомъ до будущей весны. Правда, я занимаю теперь настоятельскіе покои—просторные и удобные: но, признаюсь, въ своей кельѣ, какъ бы она ни была тѣсна и узка, чувствуешь себя какъ-то свободнѣе и просторнѣе. Но дѣлать нечего, надобно покориться обстоятельствамъ. За то теперь у меня болѣе свободнаго времени для книжныхъ занятій, чѣмъ это было въ кремлѣ. Вы хорошо, конечно, помните, какъ у меня проходило тамъ время; а послѣ вашего отъѣзда я еще больше испыталъ безпокойства и хлопотъ. Во все время пребыванія здѣсь Царской фамилии, я безотлучно долженъ былъ сидѣть дома, и каждый часъ быть готовымъ къ принятію посѣтителей. Не говоря о знатныхъ особахъ изъ Царской свиты, коихъ довелось мнѣ видѣть у себя очень много, я имѣлъ счастье принимать въ ризницѣ и библиотекѣ и лично бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ Царственныхъ особъ; а иные изъ нихъ удостоивали своего высокаго посѣщенія даже и мои кельи.

Еще болѣе безпокойства я испыталъ тогда, когда нужно было переносить ризницу въ другое мѣсто. Но благодареніе Господу, это перенесеніе совершено было благополучно. И теперь на цѣлый годъ я свободенъ отъ заботы въ разсужденіи цѣлости ризничныхъ сокровищъ: онѣ хранятся въ Гостунскомъ соборѣ, на Ивановской колокольнѣ, подъ крѣпкимъ военнымъ карауломъ. Теперь главнымъ предметомъ моихъ занятій служитъ Патріаршая библиотека.—Туда я каждодневно путешествую для описанія греческихъ рукописей и раскольническихъ книгъ“.

Изъ Царственныхъ особъ, посѣщавшихъ въ августѣ Патріаршую ризницу, удостоила своимъ посѣщеніемъ и мои кельи Ея Высочество, Герцогиня Саксенъ-Веймарская, дочь Великой Княгини Маріи Павловны.

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Г. П. Быстрицкій:

„Получилъ ваше письмо, и благодарю за память. Итакъ, вы все еще ведете кочевую жизнь, и не надѣетесь скоро утвердиться въ постоянномъ жильѣ. Пріятно слышать это, потому что вы нѣкоторымъ образомъ сравнялись съ нами—

съ нашимъ скитаніемъ по квартирамъ; а съ другой сто 1851 г
роны, я въ этомъ вижу нѣкоторый таинственный символъ. Привязанность къ одному мѣсту легко погружаетъ въ забвеніе ту священную, кровную, и присную душѣ христіанской думу: „странники и пресельники-мы на землѣ“.

Итакъ, и то правда, что Моск. семинарію минуетъ грозная буря реформы. А надъ нами—увы! она уже собирается, и къ концу этого года разразится со всеѣмъ оглушительнымъ трескомъ; впрочемъ я съ своей стороны, кажется, еще останусь цѣлъ и невредимъ: до средняго отдѣленія эта плачевная очередь нынѣ еще не дойдетъ. Только изъ наставниковъ въ классахъ словесности вѣрно человѣка три должны выйти изъ семинаріи.

Слухъ, сообщенный вами о назначеніи Грягорія — ректора Каз. академіи во епископа Калужскаго, оказался вѣрнымъ. А у насъ здѣсь распространился слухъ, болѣе интересующій Владимірцевъ: будто-бы нашего преосвященнаго переводятъ въ Черниговъ. Не говорятъ ли и у васъ объ этомъ? Московская молва должна быть справедливѣе Владимірской, по пословицѣ: fama crescit eundo. Кстати о слухахъ; вотъ еще новость: будто нашего Евфимія представили въ числѣ кандидатовъ на ректорство Каз. академіи. Правда-ли это? — Эта вещь изъ рода не совсѣмъ обыкновенныхъ.

Довольно о животрепещущихъ новостяхъ. Теперь нѣсколько словъ о себѣ. Я давно уже задумывалъ на святки отправиться въ Москву, и къ о. Саввѣ: но теперь раздумалъ и рѣшилъ остаться въ градѣ Владимірѣ, частію потому, что самъ о. Савва не имѣетъ пребывающаго града, но еще грядущаго взыскуеть, а частію и можетъ быть главн. образомъ по нѣкоторымъ экономич. расчетамъ. Денегъ—этой бездѣлицы, которой все живетъ и движется въ мірѣ, — денегъ мало на лицо, да и въ будущности, по крайней мѣрѣ ближайшей, не много предвидится; поэтому лишнія прихоти благоразуміе житейское велитъ отбросить. Впрочемъ я надѣюсь и во Владимірѣ пріятно провести время, частію въ Богослуженіи, которому можно удовлетворять и во Владимірѣ, какъ въ Москвѣ, частію въ моихъ обычныхъ занятіяхъ, а частію и въ нѣкоторыхъ развлеченіяхъ—знакомые у меня здѣсь есть.

1851 г. Для меня удивительна ваша библиоманія, или можетъ быть угрожающая опасность этого недуга. Знаете-ли что? Еще въ прошедшія святки я купилъ нѣсколько нѣмецкихъ книгъ, бывши въ Москвѣ, и что-же? До сихъ поръ изъ этихъ книгъ я прочелъ только одну, а прочія еще ожидаютъ чтенія. Почему такъ?—не потому, что я лѣнивъ читать, въ такихъ случаяхъ я не сталъ-бы и тратиться, нѣтъ, а такъ, самъ не знаю почему. Не знаю, изъ моей службы семинарской начтется-ли дней десять (за исключеніемъ развѣ вакаціальныхъ и то не всѣхъ), которыя проведъ я, не прочитавши чего-нибудь. Поэтому и вамъ совѣтую (если только могу совѣтовать) лучше читать наличныя книги, чѣмъ приобрѣтать все новыя и повыя и откладывать чтеніе до будущаго, неопредѣленнаго времени, держась русскаго: „авось“,—авось когда-ниб. прочту. Въ настоящее время я читаю Исторію души Шуберта,—на нѣмецкомъ. Книга обширная по объему и богатая разнообразіемъ содержанія. Цѣль моихъ настоящихъ стремленій—изучить психологію и фізіологію, какъ человѣка, такъ и другихъ органич царствъ нашей планеты. Но вмѣстѣ и среди головоломныхъ занятій по философіи, я люблю отдыхать на цвѣтущихъ и сладкихъ лугахъ поэзій; и не только читаю, а и продолжаю писать поэтическія сочиненія; но только ужъ не о Божественномъ, а романы и т. п.—для знакомыхъ дамъ и барышень. Передалъ-бы вамъ здѣсь романсъ, недавно мной написанный и посвященный одной почтенной дамѣ, да негдѣ. Впрочемъ, вы не заключите, что мой духовный вкусъ испортился. Слава Богу, я этого еще не замѣчаю въ себѣ. Между прочимъ я переложилъ въ стихи отрывокъ изъ Іова. Но это все мелочи; хочу приняться за важное сочиненіе, длинное по объему и богатое по содержанію, собственно для печати. Ужъ не знаю, какъ Богъ поможетъ“.

28-го ч. писалъ я въ Муромъ тещѣ Пр. Степан. Царевской:

„Еще не успѣлъ я отвѣтить на одно ваше письмо, какъ получаю другое, и при томъ не простое, а съ приложеніемъ Муромскаго гостинца. Такое усердіе съ вашей стороны заставляеть меня краснѣть предъ вами, тѣмъ болѣе, что я дѣйствительно обѣщался писать вамъ чаще. А еще болѣе

виновать предъ вами въ томъ, что до сихъ поръ не по- 1851 г.
здравилъ васъ съ радостнымъ семейнымъ событіемъ: я раз-
зумѣю бракъ Сергѣя Васильевича. Правда, это событіе
обошлось для васъ не безъ хлопотъ, и,—какъ вы пишете,
не безъ издержекъ: но, при всемъ томъ, нельзя не на-
звать этого событія для васъ радостнымъ. Съ устроеніемъ
судьбы Сергѣя Васильевича вы все-таки избавились отъ
одной лишней заботы; сверхъ сего я увѣренъ, что Сергѣй
Васильевичъ, не смотря на то, что взошелъ на первый
разъ довольно въ обременительное обязательство въ отно-
шеніи къ новому родству, не забудетъ вовсе и своего
роднаго семейства. Вѣдь у него приходъ, какъ слышно,
довольно хорошій. Объ одномъ надобно молить Бога, что-
бы Онъ далъ Ему доброе здоровье и семейное благополу-
чье. На первый разъ онъ отзывается съ хорошей стороны
о своемъ новомъ положеніи: я получилъ отъ него письмо
въ одинъ день съ вашимъ первымъ письмомъ. Дай Богъ
ему счастья и преуспѣянія во всемъ добромъ. Я и прежде
имѣлъ къ нему особенное расположеніе,—а теперь, послѣ
того, какъ онъ такъ хорошо у меня провелъ себя въ те-
ченіи полугода, я еще болѣе полюбилъ его; и надѣюсь,
что онъ будетъ добрымъ пастыремъ и хорошимъ семьяни-
номъ. Въ знакъ моего искренняго расположенія, при семъ
посылаю ему книжку, въ которой заключаются наставленія
для пастыря церкви. Примите на себя трудъ препроводить
къ нему при случаѣ этотъ небольшой подарокъ.

А за ваши Муромскіе калачи, которые показались такъ
вкусными не только для меня, но и для настоятеля мона-
стыря, въ покояхъ котораго я теперь обитаю, прошу при-
нять отъ меня Московскаго чайку, — и одну не большую
ассигнацію.

О себѣ скажу вамъ, что я, слава Богу, пока здоровъ,
и, по мѣрѣ силъ, занимаюсь дѣлами своей должности. Въ
настоящее время веду жизнь болѣе спокойную и уединен-
ную, чѣмъ прежде, когда жилъ въ кремль“.

9-го числа писалъ мнѣ изъ Иванова племянникъ, Едино-
вѣрческій діаконъ Ѡ. С. Виноградовъ. Въ письмѣ своемъ,
между прочимъ, извѣщалъ меня о торжественномъ освяще-
ніи преосвящ. Владимірскимъ Іустиномъ новоустроенной въ
слободѣ Вознесенской, близъ Иванова, церкви, объ опре-

1851 г. дѣленіи къ этой церкви священникомъ рекомендованнаго мною товарища моего по академіи *Θ. М. Остроумова*, о кончинѣ смотрителя Шуйскаго дух. училища и соборнаго протоіерея *Василія Яковлевича Цвѣткова* и объ опредѣленіи на его мѣсто въ ту и другую должность инспектора училища, священника *П. И. Пѣвницкаго*, о смерти моей бывшей хозяйки по училищу, почтенной старицы *Александры Ивановны Болотовой* и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своего семейства.

12-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ смотритель духовныхъ училищъ *Ив. Бор. Акимовъ*, товарищъ по академіи:

„Давно на душѣ лежало тяжелымъ гнетомъ то, что я, пользовавшись двугоднымъ дружескимъ расположеніемъ вашимъ и самъ васъ любившій и уважавшій отъ души, то по хлопотамъ должностнымъ, то по хлопотамъ семейнымъ долгое время не писалъ къ вамъ отдѣльныхъ и подробныхъ писемъ. Въ настоящее время два случая заставили меня оторвать нѣсколько минутъ, чтобы переброситься съ вами нѣсколькими строками; первый случай: нашъ и вашъ добрый другъ *ο. Моусей* переведенъ изъ нашей семинаріи въ Тифлисскую, къ Грузинамъ. При прощаніи (а онъ отпраздновалъ 11-го сего декабря), онъ просилъ меня написать вамъ, что онъ будетъ вамъ писать уже изъ Тифлиса. Переводъ его совершился чудесно. Недуманно и негаданно вдругъ получается изъ Синода бумага слѣдующаго содержанія: „согласно прошенію іеромонаха *Моусея* и ходатайству экзарха Грузіи онъ переводится въ Тифлисскую семинарію, а на его мѣсто назначенъ воспитанникъ Моск. академіи нѣкто *Костяшъ*“. Лучше-ли ему тамъ будетъ или хуже — Богъ вѣсть. Дай Богъ, чтобы было лучше.

Второй случай: давно уже мнѣ хотѣлось имѣть какой-либо журналъ, ибо у насъ въ Ставрополь, при недостаткѣ книгъ, рѣдко доводится почитать что-либо. Соображаясь съ досужнымъ временемъ, а равно съ карманомъ, я порѣшилъ выписывать газету „Московскія Вѣдомости“, гдѣ, среди многой чепухи, попадаются и статьи дѣльныя, а главное, что Москва болѣе или менѣе знакома, что Москва дорога каждому Русскому сердцу и что многіе случаи, бывающіе въ пей—родной, больше трогаютъ ретивое, я рѣшился вы-

писывать ее, но пробившись съ недѣлю не нашелъ пидѣ 1851 г. адреса; куда должно обратиться. А посему рѣшилъ затрудить васъ, добрѣйшій о. Савва. На прилагаемыя деньги 10 р. сер. покорнѣйше прошу васъ принять трудъ обратиться, куда слѣдуетъ, и записать мое имя: бумага пусть будетъ худшая, а цѣна меньшая. Пересылка, если согласится, можетъ быть казенная, и именно, — адресъ такой: „въ Ставрополь (на Кавказѣ), начальству Ставропольскихъ дух. училищъ“. Впрочемъ, это какъ можно, такъ можно, а нѣтъ, такъ и нѣтъ.

Не оставьте, добрый отецъ Савва, устроить, чтобы и душа провинціала услаждалась новостями, а то мы здѣсь сущіе слѣпцы, по отношенію къ міру Европейскому и Русскому.

Новаго у насъ нѣтъ. Черкесы мирны и ихъ не слышно, а награды сыпятся на военныхъ очень.

Остаюсь я и мое семейство, состоящее изъ жены, сына Николая и дочери Ольги, съ почтеніемъ и уваженіемъ, — вамъ извѣстный смотритель училищъ кандидатъ Иванъ Акимовъ.

Служу и живу я, слава Богу, хорошо. Жалованье не большое — 300 р. сер., но квартира казенная и все имѣю, какъ хорошій хозяинъ. Слава и благодареніе Господу Богу! Помолитесь у угодниковъ Божіихъ, чтобы Богъ далъ здоровья. Бываете-ли въ лаврѣ, въ академіи? Что тамъ новаго? —

18-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ наставникъ семинаріи о. Моусей:

„Вмѣстѣ съ отвѣтомъ на письмо ваше ко мнѣ отъ 26 октября, которое получилъ 7-го ноябрю, съ особеннымъ удовольствіемъ честь имѣю поздравить ваше высокопреподобіе съ прошедшимъ днемъ вашего ангела, съ наступающимъ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего и новымъ лѣтомъ благодати — новымъ лѣтомъ къ намъ милосердія Божія. Отъ всей души и сердца молю Господа, да приложитъ Онъ, Всевлагій, къ днямъ жизни вашей дни на дни и лѣта на лѣта; да не лишитъ васъ своихъ милостей и щедротъ и да благопоспѣшитъ вамъ во всѣхъ путяхъ вашей жизни.

Теперь позволяте мнѣ поздравить васъ съ званіемъ магистра и пощеніемъ на груди вашего магистерскаго креста;

1851 г. надѣюсь, что сей крестъ служить дальнѣйшимъ ручательствомъ того, что грудь ваша будетъ сіять крестами, лентами и звѣздами; дай Богъ мнѣ увидѣть васъ хоть разъ въ жизни моей и полюбоваться тогда вашими регаліями. Поприще, на которомъ поставлены вы, скоро, — скоро выдвинетъ васъ впередъ; тогда и меня не забудьте, любезнѣйшій отецъ Савва!...

Такъ вы теперь живете въ Знаменскомъ монастырѣ, — я очень радъ этому. Въ монастырѣ этомъ я былъ и мнѣ очень понравился онъ всѣмъ своимъ положеніемъ; я полагаю, что вы останетесь очень довольны настоящимъ вашимъ положеніемъ и помѣщеніемъ, тѣмъ болѣе, что настоятелемъ въ ономъ добрѣйшій о. архим. Леонидъ — ректоръ Виоанской семинаріи. Съ нимъ можно жить, — у него истинно ангельская душа.

Путешествія же изъ монастыря въ кремль доставятъ вамъ много облегченія при занятіяхъ библіотекою, потому что сими путешествіями поддерживается моціонъ, который необходимъ для здоровья вашего. Правда, что не принужденный моціонъ изъ своей келліи гораздо эффективнѣе принужденнаго, но что-же дѣлать, надо ко всему привыкать.

При случаѣ прошу засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе о. ректору Виоанской семинаріи, — архимандриту Леониду и вмѣстѣ увѣдомить его, что его товарищъ по флотской службѣ — Слѣпцовъ, нынѣ генераль-маіоръ уже былъ, — на дняхъ убитъ Лезгинами; — такого храбраго генерала не скоро дождаться знаменитому Кавказу — его Шамиль и всѣ Черкесы трепетали. Помолимся о упокоеніи души усоншаго!

А что касается до Калуги, то, я думаю, вамъ извѣстно, что туда 9-го декабря хиротонію получилъ епископскую ректоръ Казанской академіи архим. Григорій ¹⁾; въ Казань же на сіе мѣсто, мы полагаемъ, будетъ назначенъ ректоромъ академіи архим. Евгеній ²⁾, — ректоръ Моск. семинаріи.

Объясните пожалуйста, въ чемъ состоитъ преобразование семинарій. — Что еще новаго вы скажете?

¹⁾ Миткевичъ, о которомъ упоминаемо было въ I томѣ „Хроники моей жизни“.

²⁾ Сахаровъ-Плагоновъ.

Когда напечатаете свою брошюру о замѣчательнѣйшихъ 1851 г предметахъ въ Патріаршей ризницѣ, то и мнѣ пришлите экземпляръ.

Я, благодареніе Господу, здоровъ и благополученъ. На дняхъ прислали мнѣ кандидатскій окладъ за три года 216 р. 62 к. сереб., о чемъ и увѣдомляю васъ“.

Слухъ о назначеніи на должность ректора Казанской дух. академіи ректора Моск. семинаріи, архимандрита Евгенія, имѣеть основаніе. Объ этомъ велась переписка между Казанскимъ архіепископомъ Григоріемъ и Московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Вотъ что послѣдній писалъ первому объ о. Евгеніи отъ 25-го янв. 1851 г.:

„Ректоръ Московской семинаріи Евгеній человекъ честный и добрый, основательный въ познаніяхъ, тихаго характера и голоса. Для своихъ хорошъ; не блистателевъ для внѣшнихъ. Духа вашей академіи я не знаю: если онъ подобенъ духу вашей семинаріи, какъ я о ней слыхалъ, то архимандриту Евгенію лучше-бы войти въ академію при васъ, нежели безъ васъ. Впрочемъ, думаю, что честность и разсудительность его и безъ васъ сохранить его отъ затрудненія. Мнѣ желательно было-бы, чтобы онъ продолжилъ службу у насъ, тѣмъ паче, что теперь только вступилъ въ должность новый инспекторъ: но если ректору открывается путь къ высшему довѣрію начальства, да будетъ то, что служить къ общей пользѣ, и ему можетъ быть полезно для дальнѣйшей службы“¹⁾.

При этомъ владыка Московскій указывалъ еще на двухъ кандидатовъ—ректоровъ семинарій — Костромской Агаопела и Ярославской Никодима.

Прежде, чѣмъ получено было мною письмо отъ о. Моисея съ вѣстію, между прочимъ, о смерти генерала Слѣпцова, о событіи этомъ было уже напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.—И вотъ что случилось у насъ съ о. Леонидомъ по поводу этого печатнаго извѣстія.—Къ празднику Р. Христова о. архим. Леонидъ пріѣхалъ въ свой Знаменскій монастырь, гдѣ я на этотъ разъ имѣлъ помѣщеніе. Разъ предъ вечернимъ часомъ почтенный мой хозя-

¹⁾ См. въ *Чт. общ. вост. дух. просв.* 1877 г. и въ отдельной брошюрѣ, письмо 43-е, стр. 17.

1851 г. инъ лежалъ, по причинѣ боли въ ногѣ, на диванѣ въ своемъ кабинетѣ, а я, сидя подлѣ него, вслухъ читалъ *Московскія Вѣдомости*. Тамъ, между прочимъ, напечатано было извѣстіе о смерти мнѣ вовсе тогда неизвѣстнаго генерала Слѣпцова, пораженнаго 10-го декабря пулею на Кавказѣ. О. Леонидъ, повидимому, не очень внимательно слушавшій мое чтеніе, когда услышалъ имя Слѣпцова, какъ бы пробудился отъ дремоты и попросилъ меня повторить прочитанное. Когда я повторилъ, онъ внезапно вскочилъ съ дивана, громко зарыдалъ и, схвативши меня за руку, повлекъ въ залу. Не понимая въ чемъ дѣло, я крайне испугался, при видѣ такой душевной тревоги моего добраго хозяина. Но онъ, возложивши на себя епитрахиль, обратился къ иконамъ и попросилъ меня отслужить съ нимъ краткую литію о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія, боярина Николая: онъ священнодѣйствовалъ, а я исполнялъ должность чтеца и пѣвца. Послѣ сего, нѣсколько успокоившись, о. Леонидъ разъяснилъ мнѣ, кто былъ для него этотъ пораженный вражескою пулею генералъ Слѣпцовъ.

О. Граменичкій къ 25-му декабря писалъ мнѣ:

„Приношу вамъ, дражайшій другъ мой, усерднѣйшую благодарность за ваши хлопоты въ покупкѣ для меня книги. Какую сладость и удовольствіе доставили вы мнѣ онымъ! А паче всего Богословіе архим. Макарія; что это за книга! что за разумъ! Чѣмъ больше читаешь, тѣмъ сильнѣйшее пробуждается желаніе читать далѣе. Не бывши слушателемъ высокихъ лекцій академическихъ, я вполнѣ себя почитаю счастливымъ, что возъмѣлъ случай хотя прочесть эти гениальные уроки. Не оставьте, милый другъ мой, когда отпечатается, — снабдить меня его Введеніемъ въ Богословіе. Этотъ авторъ такъ мнѣ понравился, что едва ли что можно найги выше его произведенія. Да сохранить его Господь Богъ и помилуетъ! Это вѣрно у насъ въ Россіи является второй Филаретъ. Полезная для меня будетъ книга и бесѣды преосвящ. Евсевія, когда дойдетъ дѣло у меня до таинствъ. 9 бесѣдъ моего плетенія отосланы на судъ его преосвященства; что будетъ, неизвѣстно; а сердце трепещетъ что-то, какъ-бы критическая плеть не исхлынула нахъ въ лоскутья, а мнѣ не натянула-бы носа. Но что дастъ Богъ, — узнаемъ.

Дѣла наши по приходу самыя дрянныя; по просьбѣ казенныхъ крестьянъ слѣдствіе доселѣ еще не произведено; а предоставлена свобода крестьянамъ съ нами буйствовать и невѣжничать; не извѣстно, долго-ли это продолжится. Благочинный Приклонскій для произведенія слѣдствія пріѣзжалъ два раза,—и тщетно; не даютъ ему со стороны казенныхъ крестьянъ депутата. Утѣшаетъ меня только одно, что я чистъ предъ судомъ своей совѣсти“.

25-го ч., въ день праздника Рождества Христова, писалъ мнѣ Никитскаго Переславскаго монастыря архимандритъ о. Нифонтъ курьезное посланіе въ стихахъ:

„Батюшко о. Савва!
Съ праздникомъ Авва
Васъ поздравляю
И радости съ здравіемъ желаю!
Спѣшу извѣстить,
Что Степанъ Васильевичъ
Изволилъ къ намъ прибыть
И о вашемъ здравіи извѣстить!
Радуюсь отъ души
Живущіе въ Переславской глуши,
А вы этимъ не огорчитесь
И Богу за насъ помолитесь.

Прости!

Душа спасти!“.

Среди Рождественскихъ праздниковъ писалъ мнѣ изъ Московской академіи бакалавръ, соборный іеромонахъ Теодоръ (Бухаревъ):

„Имѣю честь поздравить васъ съ великимъ праздникомъ. Желаю вамъ всякаго дара совершеннаго, свыше исходящаго. Душевно благодарю васъ за исполненіе моихъ порученій, и особенно за память обо мнѣ любви вашей. Думалъ было я изъ нѣсколькихъ святочныхъ дней съѣздить къ о. Нифонту, Никитскому архимандриту. Но совершенно неожиданно встрѣтившіяся со мною нѣкоторыя обстоятельства перемѣнили мое намѣреніе освѣжить себя этимъ небольшимъ путешествіемъ. Впрочемъ, объ этомъ прошу умолчать предъ всѣми, кто-бы сталъ спрашивать обо мнѣ. Скажите только о. ректору Леониду, вмѣстѣ съ моимъ привѣтствіемъ его высокопреподобію. До крайности жалко,

1852 г. что мнѣ не пришлось видѣться и переговорить кое о чемъ съ о. архимандритомъ. — О. ректору Леониду передайте мою просьбу—сказать, при случаѣ, ту-же общую мысль о моихъ обстоятельствахъ и академическому высокопреподобнѣйшему отцу ректору, такъ какъ я просилъ у его высокопреподобія позволенія на трехдневную отлучку изъ академіи въ Переславль.—Объ этомъ и довольно.

Радъ я, что васъ Господь милуетъ. Не забывайте меня пожалуйста въ вашихъ святыхъ молитвахъ, въ которыхъ нынѣ особенно нуждаюсь. Если до вашего уха коснутся какіе-ниб. слухи обо мнѣ, извѣстите меня“.

Новый годъ благополучно встрѣтилъ я подъ мирнымъ кровомъ Знаменской обители вмѣстѣ съ любвеобильнымъ настоятелемъ ея, о. архимандритомъ Леонидомъ. Не долго оставался со мною подъ однимъ кровомъ мой добрый хозяинъ; вскорѣ послѣ праздника крещенія онъ отправился въ свою пустынную Виванію, куда призывали его ректорскія обязанности. Я же, оставшись одинъ, предался своимъ обычнымъ занятіямъ—описанію достопримѣчательныхъ предметовъ Патріаршей ризницы и греческихъ рукописей Синодальной бібліотеки. Въ то-же время почти постоянно исполнялъ разныя, важныя и не важныя, порученія, возлагаемыя на меня и родными и посторонними лицами. Между тѣмъ не прерывались у меня и письменныя сношенія съ друзьями и знакомыми. Такъ:

10-го января получилъ я отъ намѣстника Чудова монастыря, архимандрита Іоанникія, краткую записку слѣдующаго содержания:

„Андрей Николаевичъ Муравьевъ желаетъ знать—получили-ли вы за рукопись деньги? — Такъ какъ я намѣренъ ему писать скоро: то прошу васъ сказать на вопросъ отвѣтъ“.

20-го ч. писалъ я въ Иваново роднымъ:

„Праздникъ встрѣтилъ и проводилъ, слава Богу, благополучно и даже весело, пользуясь непрестанной бесѣдой моего добраго хозяина, почтеннѣйшаго о. архимандрита.— Послѣ праздника испыталъ одну непріятность, которая тѣмъ болѣе поразила меня, чѣмъ внезапно встрѣтилась: это скоропостижная смерть одного изъ моихъ сослуживцевъ по церкви—іеромонаха Принарха. Угаръ былъ причиною

внезапной смерти несчастнаго. Теперь я озабоченъ при- 1852 г
исканіемъ на его мѣсто новаго собрата; а тамъ понадо-
бится искать новаго іеродіакона: бѣда, да и только!..

Прочія обстоятельства мои, благодареніе Господу, благо-
приятны“.

Оберъ-прокуроръ Св. Синода, графъ Николай Алексан-
дровичъ Протасовъ, вслѣдствіе требованія статсъ-секре-
таря, графа Блудова, отношеніемъ отъ 14-го января, за
№ 252 просилъ высокопреосвящ. митрополита увѣдомить,
находится-ли въ харатейной рукописи Кормчей книги, на-
ходящейся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 82 (по
описи послѣдующаго времени № 132), списокъ Русской
Правды Ярослава, и не будетъ-ли возможнымъ уступить
этотъ экземпляръ Кормчей книги изъ Синод. библіотеки
въ отдѣленіе Мастерской и Оружейной палаты, учреждаемое
для храненія грамотъ и другихъ, достойныхъ замѣчанія,
старинныхъ бумагъ. Вслѣдствіе сего, владыка 21-го ч.
приказалъ мнѣ, чрезъ своего письмоводителя Святослав-
скаго, явиться къ нему на Троицкое подворье, не объ-
яснивъ причины вызова. Записка Святославскаго искала
меня въ Знаменскомъ монастырѣ, а я былъ въ это время,
по своимъ обязанностямъ, въ библіотекѣ, и когда послан-
ный съ запискою напелъ меня здѣсь: я поспѣшилъ на
Троицкое подворье, но прѣхалъ туда нѣсколько поздне,
чѣмъ ожидалъ меня митрополитъ. Владыка съ нѣкоторою
строгостію спросилъ меня: почему поздно? — Но когда я
объяснилъ причину, онъ, посмотрѣвши на часы, сказалъ,
что время обѣдать и милостиво пригласилъ меня къ своей
владычней трапезѣ. Не трудно вообразить, съ какимъ изумле-
ніемъ принялъ я это святительское приглашеніе. Сѣли
вдвоемъ за столъ. Трапеза, для него, можетъ быть, обыч-
ная, но для меня показалась, и по обилію снѣдей и по
искусному ихъ приготовленію, праздничною. Во время
стола владыка милостиво со мною бесѣдовалъ, но о чемъ
была бесѣда, не помню. По окончаніи трапезы, мнѣ при-
казано было ѣхать въ кремль и привезти изъ Синодальной
библіотеки означенную рукопись Кормчей книги. Приказа-
ніе немедленно исполнено; рукопись была оставлена у ми-
трополита, и мнѣ велѣно было явиться за нею на другой
день.

1852 г. На вопросъ графа Протасова относительно передачи древней рукописи изъ Синод. библіотеки въ учреждаемое при Оружейной палатѣ отдѣленіе митрополитомъ данъ былъ отвѣтъ въ отрицательномъ смыслѣ ¹⁾.

Въ то-же время назначена была, по Высочайшему повелѣнію, къ передачѣ въ означенное отдѣленіе рукописъ Синод. библіотеки (№ 703), подъ заглавіемъ: „Книга о поставленіи царей и великихъ князей на царство“. Но такъ какъ, подъ № 703 заключались въ одномъ и томъ-же кожаномъ переплетѣ двѣ отдѣльныя рукописи, изъ коихъ послѣдняя озаглавлена: „Чинъ объ избраніи во епископы“ и пр.,—то я нашелъ нужнымъ предложить высокопр. митрополиту слѣдующій вопросъ: „въ случаѣ передачи рукописи подъ № 703 въ помянутое отдѣленіе Оружейной палаты, не должно-ли сдѣлать со второй рукописи точный списокъ, для оставленія въ Синод. библіотекѣ, или-же отдѣлить первую рукопись, и передать по назначенію, а вторую въ подлинникѣ оставить въ Синод. библіотекѣ?“.— Вопросъ этотъ владыкою предложенъ былъ на разрѣшеніе оберъ-прокурора графа Протасова, въ письмѣ къ нему отъ 31-го янв. 1852 г. ²⁾. Отвѣтъ былъ полученъ въ томъ смыслѣ, чтобы вторую рукопись оставить въ Синод. библіотекѣ въ подлинникѣ.

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра профессоръ семинаріи Г. П. Быстрицкій:

„Имѣю честь привѣтствовать васъ съ новымъ годомъ. Какъ вы встрѣтили новаго посланника небесъ на грѣшную землю? Каково ваше здоровье? Какъ текутъ ваши дѣла?— Каково состояніе вашей души? Давно уже, очень давно не получалъ отъ васъ и о васъ дорогихъ извѣстій. Сколько уже прошло времени отъ послѣдняго моего письма! я ждалъ отвѣта и не дождался, и не знаю, чему приписать ваше молчаніе.

Здѣсь во Владимірѣ старое по старому. Святки я провель здѣсь; было и скучно и весело, а больше скучно; рѣдко былъ дома,—одинъ на свободѣ, съ своими старыми знакомыми, — съ книгами, размышленіями и мечтами, или

¹⁾ *Собр. мѣній и отзывовъ м. Филарета*. т. III, № 361, стр. 440. 443. (иб. 1886.

²⁾ Тамъ-же, № 362. стр. 443—445.

въ гостяхъ или гостей принимаешь, — такъ что наконецъ 1852 г
эта ненормальность въ жизни, — особенно эти длинные вечера за полночь, очень наскучили.

Новостей по семинаріи у насъ довольно, но я думаю вамъ онѣ уже извѣстны. Завтра мы провожаемъ о. ректора въ Петербургъ. Въ воскресенье поздравляли его съ ангеломъ, — и простились съ нимъ, хотъ еще и не совсѣмъ (потому что завтрашній день главные наставники должны собраться въ классы и принять о. ректора, который пріѣдетъ проститься съ семинаріей), — и поднесли ему образъ Божіей Матери. Еще онъ самъ не знаетъ, что его ожидаетъ въ Петербургѣ — чреда-ли священнослуженія и проповѣди, или назначеніе въ ректора Каз. академіи. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, онъ питаетъ, хотъ слабую, надежду на это назначеніе; оно-бы и лучше; его здоровье хило. Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что это мож. быть прощаніе на вѣчность, — что можетъ быть онъ положить кости въ Петербургской почвѣ, что его здоровье очень слабо“.

25-го ч. писалъ я въ Петербургъ А. Н. Муравьеву:

„Препровождая къ вамъ списокъ съ соборнаго дѣянія 1654 г., съ тѣмъ вмѣстѣ прошу у васъ извиненія въ медленномъ исполненія вашего порученія, а еще болѣе въ томъ, что до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ о полученіи денегъ за прежній списокъ. Дѣло замедлилось отъ того, что долгое время не было у меня подъ руками той рукописи, съ которой нужно было списывать: она находилась въ академіи у А. В. Горскаго. Наконецъ, слава Богу, дѣло сдѣлано и я очень радъ, что, хотъ поздно, однакожъ исполнилъ ваше требованіе.

Р. S. За написаніе списка, съ бумагой и переплетомъ, заплачено 1 р. 50 к. сер“.

4-го ч. февраля писалъ мнѣ изъ Петербурга А. Н. Муравьевъ:

„Приношу вашему преподобію искреннюю благодарность за доставленную мнѣ рукопись, и хотя она для меня весьма полезна, — это не та, о которой я просилъ. Мнѣ желательно имѣть соборъ, бывшій при Никонѣ патріархѣ, объ утвержденіи книжнаго исправленія съ патріархами восточными Макаріемъ Антиохійскимъ и Гаврииломъ Сербскимъ (года не помню, кажется 1655 или 56).

Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ въ скоромъ времени

1852 г. дѣянія сего собора и скажите опять, сколько вамъ буду долженъ, чтобы приобщить сумму къ 1¹/₂ рубл. серебр. и вмѣстѣ бы выслать.

Надѣюсь на ваше снисходительное вниманіе“.

Въ отвѣтъ на это писалъ я отъ 9-го числа:

„Посылая къ вамъ послѣдній списокъ съ рукописи, признаюсь я и самъ сомнѣвался, то-ли именно посылаю вамъ, что вамъ желательно было имѣть: но другаго соборнаго дѣянія, бывшаго при патріархѣ Никоѣ, я не нашель въ Синод. библіотекѣ. Нарочито пересматриваль и теперь каталогъ рукописей, и не встрѣчалъ того, что для васъ требуется. Итакъ, извините меня, если на сей разъ я откажусь исполнить вашу просьбу. Не случится-ли вамъ самимъ встрѣтить гдѣ-либо указаніе на номеръ рукописи, въ которой, по вашему предположенію, находится требуемое вами соборное дѣяніе: потрудитесь тогда написать мнѣ, и я не откажусь удовлетворить вашему желанію“.

27-го числа писалъ мнѣ изъ Виѣвнїи мой почтенный хозяинъ, отецъ архимандритъ Леонидъ:

„Прежде всего прошу васъ быть снисходительнымъ къ этому письму, которое вѣроятно будетъ или коротко или безсвязно, или то и другое вмѣстѣ. Если угодно, объясню и причину. У меня на ногѣ лежитъ пластырь парывной мази подъ вытягивающимъ пластыремъ: ногу щиплетъ и рветъ и весь организмъ въ нѣкоторомъ раздраженіи. Въ такомъ случаѣ и мысль спокойна быть не можетъ. Впрочемъ прошу не заключать изъ этого, что я принадлежу къ новой школѣ исторической, гдѣ всѣ нравственныя дѣйствія хотять рѣшительно обусловить мѣстными физическими вліяніями. Я готовъ въ этомъ отношеніи держаться середины: дать свободный полетъ духу, уступивъ нѣчто и физическимъ вліяніямъ. Въ общемъ это повѣрнѣе.“

Признаюсь вамъ, очень жалко мнѣ было, что пропустилъ прїятный случай провести съ вами нѣсколько дней; но это искупилось для меня тѣмъ спокойствіемъ и добропорядочностію житія, какими пользовался я на 1-й недѣлѣ. Вы постоянный житель Москвы и къ ней привыкли; для меня же она въ тягость. Ёду въ Москву всегда съ неохотою, въ Москвѣ обживаюсь, сдружаюсь съ ней, а домой возвращаюсь

съ отягощеніемъ. Право, если бы можно, и на свѣтлую 1852 г. недѣлю не пріѣзжалъ бы.

Очень утѣшительно для меня впечатлѣніе, произведенное на васъ статью о Слѣпцовѣ. Оно послужить мнѣ ручательствомъ, что имя моего друга будетъ иногда и вами произнесено на молитвѣ, преимущественно литургійной. — Много съ тѣхъ поръ новыхъ именъ надобно мнѣ присоединить къ списку почившихъ.... Но извините, чувствую приливъ крови къ головѣ и послѣ припишу или теперь-же dokonчу при пожеланіи вамъ всѣхъ милостей изъ сокровищницы Господа І. Христа. Брата цѣлую и васъ обнимаю. Прощайте.

Февраля 29-го. Прошу васъ передать брату при свиданіи, что письмо его я получилъ и весьма благодаренъ. Оно должно было поколебать несчастную увѣренность нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ, охотно принявшихъ извѣстіе, будто покойный Гоголь былъ въ бѣлой горячкѣ. Какъ видно, слухъ этотъ распущенъ тѣми достойными христіанами, которымъ все, что отзывается религіозностію, что носить печать христіанства, представляется сумасшествіемъ.

Здоровье мое, благодаря Бога, поправляется, но выходитъ боюсь:—погода здѣсь пресквернѣйшая“.

5-го марта писалъ я въ Петербургъ А. Н. Муравьеву:

„По требованію вашему, я сносился съ А. В. Горскимъ на счетъ предполагаемаго вами соборнаго дѣянія о книжномъ исправленіи: но и онъ отказался удовлетворить вашему желанію. Онъ пишетъ, что не знаетъ никакого соборнаго дѣянія 1655 г. въ Синод. библіотекѣ; даже по его мнѣнію, едва-ли и остался отъ сего собора какой-нибудь письменный актъ. Спрашивалъ я и предмѣстника моего о сей рукописи, но и онъ сдѣлалъ отрицательный отвѣтъ.

Итакъ, при всей готовности моей къ вашимъ услугамъ, я ничего не могу сдѣлать на сей разъ въ удовлетвореніе вашего желанія“.

Ученикъ московской д. семинаріи Н. Н. Свѣтловидовъ ¹⁾, сынъ умершаго придворнаго священника, обращался ко мнѣ съ просьбою пригласить моего товарища по академіи и друга, профессора Владим. семинаріи Григорія Петровича Быстрицкаго, поступить на мѣсто его умершаго родителя

¹⁾ Скончавшійся 4 марта 1897 г. въ санѣ протопресвитера Большаго Московскаго Успенскаго собора.

1852 г. со взятіемъ въ замужество его сестры. Я написалъ объ этомъ Быстрицкому, и вотъ какой получилъ отъ него отвѣтъ отъ 25-го числа:

„Я получилъ ваше письмо,—и позвольте принести вамъ мою сердечную благодарность за участіе, которое принимаете въ моей судьбѣ. Для меня оно чувствительно. Совѣтъ, или лучше, предложеніе ваше прекрасно, мѣсто, по указаннымъ вами выгодамъ, для наставника Влад. семинаріи, лестно. Что же мнѣ отвѣчать на вашъ призывъ?—Но позвольте мнѣ съ вами быть откровеннымъ, какъ съ другомъ, сердцу котораго я люблю передавать свои задушевные думы и мечты. Ваше письмо навело на меня большое раздумье. Я еще не думалъ выходить въ настоящую пору на мѣсто, и мысль о женитбѣ, естественно съ вашимъ предложеніемъ пришедшая въ голову, какимъ-то непонятнымъ страхомъ обдала душу,—такъ я еще не сроднился съ нею. Да все это ничего; ко всему этому можно привыкнуть, тѣмъ болѣе, что о монашествѣ я не думаю, а мои годы уже въ порѣ. Дѣло въ томъ, что еще многое нужно знать, чтобы рѣшиться. Главное надобно получить удовлетворительныя свѣдѣнія объ кевѣстѣ,—объ ея семействѣ,—черта, которую вы приписываете дѣвушкѣ, одна изъ чертъ моего идеала, и это важная черта, по требуются и другія черты также очень важныя, чтобы бракъ былъ счастливъ. Хороша скромность при умѣ и положительно развитомъ религіозномъ чувствѣ.

Я приготовилъ проповѣди къ первому дню Пасхи, на мѣсто уѣхавшаго въ Петербургъ о. ректора, и на первыхъ дняхъ Пасхи я, если Богъ продолжитъ здоровье, отправлюсь къ вамъ. Я уже давно не видался съ вами, желаніе видѣть васъ у меня уже давнее, только я не смѣлъ стѣснить васъ въ чужихъ комнатахъ. Но теперь, какъ вы сами приглашаете меня, я воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ. Что касается до того дѣла, будетъ ли оно имѣть исходъ въ мою пользу, или въ пользу другого, я теперь чувствую себя довольно спокойнымъ на счетъ этого. Будущимъ владѣть Богъ! Только ваше письмо произвело во мнѣ самое сладкое ощущеніе истинно дружескимъ участіемъ вашимъ въ моемъ положеніи. За него я вторично благодарю васъ“.

На письмо это отвѣчалъ я 12-го апрѣля.

Такъ какъ мой добрый хозяинъ, о. архимандритъ Лео-

нидѣ не разсудилъ пріѣхать на свѣтлую недѣлю въ Москву, 1852 г.
то я долгомъ почелъ поздравить его съ праздникомъ пись-
менно, при чемъ выразилъ недоумѣніе, не мое ли продол-
жительное пребываніе въ его настоятельскихъ покояхъ за-
граждаетъ ему путь во вѣренную ему обитель. Но это не-
осторожное съ моей стороны недоумѣніе вызвало сильный
упрекъ со стороны благороднѣйшаго о. Леонида. Вотъ что
писалъ онъ мнѣ отъ 6-го апрѣля:

„Во истину воскрес! Многоуважаемый и сердечно лю-
бимый о. ризничій святѣйшихъ патріарховъ и Св. Синода!

Съ особеннымъ чувствомъ принялъ я къ сердцу христиан-
ское привѣтствіе ваше. Признаюсь однако-жъ, что оно
глубоко возмутило меня. По прочтеніи его внезапно посѣ-
тила меня мысль, которою меня какъ варомъ обдало. Пред-
ставилось мнѣ, будто бы вы предполагаете, что не пріѣз-
жалъ я на праздникъ Пасхи, а тоже и на сырную недѣлю,
опасаясь, какъ васъ стѣснить, такъ и себѣ не найти про-
стора. Желаю, чтобы я ошибался въ этомъ, чтобы вовсе
не было въ васъ подобной мысли; если, къ сожалѣнію, она
посѣтила васъ, то прошу и умоляю васъ изгнать ее безъ
всякой пощады, и вѣрите, сколько можете вы имѣть до-
вѣрія къ искренности моихъ чувствъ къ вамъ, что никогда,
ни на минуту не посѣщала меня эта мысль, и что я при-
ношу большую жертву, лишивъ себя случая къ сближенію
съ вами, что я желалъ бы не для васъ, а для себя вся-
кихъ замедленій въ перестройкѣ вашихъ келлій, замедленій,
которыя доставили бы мнѣ возможность провести съ вами
лѣто, какъ провелъ двѣ-три недѣли зимы. Причинъ у меня
много: однѣ вамъ извѣстны, другія не стоятъ извѣстности;
но всё вмѣстѣ они стали стѣною между моими Византійскими
кельями и Москвою. Въ ожиданіи личнаго свиданія надѣ-
юсь видѣть вашу благородную душу и ваше расположеніе
ко мнѣ въ тѣхъ письмахъ, которыми вы, конечно, не оста-
вите, время отъ времени, утѣшать меня. Желаю вамъ,
чтобы вся ваша жизнь казалась вамъ свѣтлою недѣлею, и
была зарею свѣта невечерняго, котораго всѣхъ насъ да
не лишитъ Свѣтодавецъ.

Душевно преданный вамъ архим. Леонидъ“.

9-го апрѣля писалъ я въ Абакумово о. Михаилу Граме-
ницкому:

1852 г. „Извините Бога ради, что такъ поздно отвѣчаю на ваше письмо, полученное мною въ самый праздникъ В. Христова. Не въ оправданіе, а въ обличеніе своей лѣности скажу вамъ, что вмѣстѣ съ вашимъ еще три письма получилъ я изъ разныхъ странъ Россіи, и, къ стыду моему, до сихъ поръ ни на одно изъ нихъ не отвѣчалъ.

Что же сказать вамъ новенькаго въ вознагражденіе за столь продолжительное молчаніе? Въ моемъ положеніи особеннаго ничего нѣтъ: живу по прежнему въ Знаменскомъ монастырѣ, свѣтлый праздникъ встрѣтилъ и проводилъ благополучно. На праздникъ пожаловалъ ко мнѣ, по моему вызову, любезный гость Григорій Петр. Быстрицкій, съ которымъ я и посылаю къ вамъ сіе посланіе. Но такъ какъ я не думаю, чтобы онъ могъ къ вамъ заѣхать и сообщить лично о главной цѣли настоящаго своего путешествія въ Москву: то я не излишнимъ считаю, хотя вкратцѣ, передать вамъ это. Видите ли, какого рода дѣло. Въ нашемъ придворномъ Верхоснасскомъ соборѣ, въ минувшую Четырнадцатиницу, скончался священникъ, оставивъ послѣ себя дочь-невѣсту. Протоіерею этого собора предписано избрать на упразднившуюся вакансію непременно магистра. По поелику ни въ Московской, ни въ Виѣанской семинаріяхъ не обрѣлось желающихъ: то мнѣ и вздумалось порекомендовать это мѣсто Григорію Петровичу; написалъ къ нему; онъ явился, затѣялъ дѣло и судьба его почти уже рѣшена: чрезъ недѣлю или двѣ послѣдуетъ изъ Петербурга окончательное рѣшеніе. Мѣсто по всѣмъ условіямъ очень выгодное; невѣста понравилась жениху, а женихъ еще болѣе невѣстѣ — чего же лучше? Дай Богъ, чтобы дѣло это сдѣлалось: съ своей стороны я очень буду радъ имѣть близъ себя такого человѣка, котораго всегда отъ души любилъ и уважалъ. Кстати о мѣстахъ: вашъ родственникъ Петръ Васильевичъ Приклонскій ¹⁾ поступилъ изъ семинаріи къ Григорію Неокесарійскому, что за Москвой рѣкой. Приходь, говорятъ, довольно хорошъ.

Хотѣлъ бы я вамъ послать какую-ниб. новенькую книжку: но не знаю, какія именно книги для васъ теперь болѣе нужны. Московскія Вѣдомости у васъ, конечно, бывають

1) О немъ см. въ I томѣ „Архивки“, по указателю

подъ руками, и вы безъ сомнѣнія видите, какія тамъ публикуются новыя книги. Напишите мнѣ, что вамъ нужно будетъ, и я, при первой оказіи, не замедлю вамъ выслать. Введенія же въ Богословіе Макарія до сихъ поръ еще нѣтъ въ продажѣ.

Въ теченіи полутора года я такъ много издержалъ денегъ на покупку книгъ, что теперь уже рѣшился предписать себѣ въ этомъ отношеніи строгое воздержаніе, впрочемъ, только до перваго, разумѣется, появленія какой-виб. интересной книги“.

29-го ч. писалъ мнѣ изъ Владиміра Григ. П Быстрицкій: „Первѣе приношу мою искреннѣйшую благодарность за радушное дружеское гостепримство. Потомъ осмѣливаюсь спросить васъ, въ какомъ положеніи мое дѣло. Вотъ уже и третья недѣля прошла, какъ посланъ обо мнѣ отзывъ протоіеремъ въ Петербургъ, и ко мнѣ не пала ни одна вѣсть. Неужели доселѣ отзывъ останеся безъ отвѣта? Или какой-ниб. отвѣтъ уже послѣдовалъ? И все-таки я остаюсь въ непріятной неизвѣстности. Я предполагаю болѣе, что изъ Петербурга еще ничего нѣтъ, потому что въ другомъ случаѣ вы или другіе меня бы тотчасъ, какъ я надѣюсь, извѣстили.

Для меня рѣшительно все равно, — придетъ отказъ или утверженіе. Но для меня тяжела эта неизвѣстность, потому что я теперь связанъ по рукамъ и по ногамъ;—отъ своихъ обычныхъ занятій отсталъ; время проходитъ почти за даромъ, потому что было-бы не благоразумно усидчиво заниматься, имѣя въ виду такое, хоть вовсе и неожиданное для меня, рѣшеніе судьбы. А когда бы я узналъ, что дѣло покончено, и не въ мою пользу, я разумѣется пересталъ-бы и думать, —и свободный, развязанный, началъ-бы опять обычный порядокъ моей жизни. Итакъ, я прошу васъ — извѣстите меня, во всякомъ случаѣ—полученъ-ли изъ Петербурга отвѣтъ на отзывъ, или нѣтъ. Надобно сказать, что я не буду жалѣть, если и другой займетъ мое мѣсто. Какъ всегда, такъ и теперь предаю себя водительству Промысла. Онъ знаетъ, что для меня лучше. Если есть Его воля устроить меня на это мѣсто, —буду благодарить. если Ему не угодно, опять буду благодарить. А прислушиваясь къ голосу сердца, — нахожу, что оно не въ пользу этого мѣста“.

На письмо это данъ былъ отвѣтъ мною 5-го мая, но въ

1852 г. какомъ смыслѣ, не помню.—Извѣстно только, что начатое дѣло не состоялось въ пользу моего друга.

10-го мая писалъ я роднымъ въ Иваново:

„На два письма ваши, полученные мною еще 2 го марта, до сихъ поръ не было отъ меня ни одной строки въ отвѣтъ! Ну, признаюсь, за такую лѣность и невнимательность къ ближайшимъ роднымъ стоитъ побранить и посердиться на меня, тѣмъ болѣе, что минувшій праздникъ Воскресенія Христова прошелъ для насъ—родныхъ безъ взаимнаго христіанскаго привѣтствія. За олуцненіе послѣдняго рода я чувствую даже упрекъ совѣсти.—По прошу васъ, покройте мою вину предъ вами своею родственною любовью. Впрочемъ, въ извиненіе свое, скажу и то, что писать къ вамъ давно имѣлъ я намѣреніе: но то за тѣмъ, то за другимъ со дня на день, почта отъ почты откладывалъ, а между тѣмъ время шло все своимъ чередомъ. Видно, не надобно откладывать до другаго дня того, что можно сдѣлать сегодня: иначе никогда ничего не сдѣлаешь, какъ слѣдуетъ.

Что-же скажу вамъ новаго о себѣ послѣ столь долгаго молчанія? Кажется, нечего сказать новаго; у меня, слава Богу, все по прежнему. Праздникъ Христовъ встрѣтилъ и проводилъ въ добромъ здоровьѣ и въ хорошемъ расположеніи духа. Живу до сихъ поръ въ Знаменскомъ монастырѣ, и не знаю еще, скоро-ли переселюсь въ родной кремль: но во всякомъ случаѣ, въ концѣ лѣта я буду уже тамъ.

Какъ вы поживаете?—Странно: вотъ уже болѣе, кажется, двухъ мѣсяцевъ, какъ я никого не встрѣчалъ здѣсь изъ Ивановскихъ; и потому рѣшительно никакихъ свѣдѣній не имѣю о вашемъ положеніи. Вотъ что значить удалиться изъ кремля: бывало, отъ посѣтителей приходилось не рѣдко и скучать, а теперь и изъ знакомыхъ никто почти не заглянетъ ко мнѣ. Такъ всегда, съ переменною обстоятельствомъ, измѣняется наше положеніе. Впрочемъ настоящимъ своимъ положеніемъ я очень доволенъ: въ тишинѣ и уединеніи чувствуешь себя какъ-то лучше и свободнѣе. Пріятно для меня особенно то, что я теперь безпрепятственно занимаюсь, сколько хочу, тѣмъ, что мнѣ всегда болѣе всего нравилось—чтеніемъ книгъ.

15-го ч. писалъ я въ Абакумово свящ. М. Дим. Граменицкому:

„Крайне сожалѣю, что достолюбезнѣйшая супруга ваша Александра Васильевна, явившись ко мнѣ, по вашему убѣжденію, съ письмомъ лично, не застала меня дома. Утромъ, въ тѣ часы, я бываю обыкновенно въ кремлѣ, въ своемъ древнехрапильцѣ, и копаюсь тамъ въ археологической пыли.

Просите вы выслать какихъ-ниб. книгъ. Нарочво ходилъ въ книжныя лавки, но для васъ ничего порядочнаго не могъ найти. Введеніе въ богословіе Макарія, слышно, печатается въ Петербургѣ: какъ скоро явится здѣсь въ продажѣ, не умедлю выслать вамъ. А на сей разъ, чтобъ не пропустить даромъ такой прекрасной окказіи, посылаю вамъ только что отпечатанное сочиненіе одного изъ бакалавровъ нашей академіи ¹⁾. Сочиненіе, по предмету своему, очень интересное. Можетъ быть, вы извлечете изъ него какую-ниб. пользу и для своихъ катихизическихъ поученій, въ составленіи и преподаваніи коихъ сердечно желаю вамъ добраго успѣха.

Мои занятія, въ настоящее время, сосредоточены преимущественно на библиотекѣ, и въ настоящую пору я занятъ исключительно разборомъ раскольническихъ книгъ, присылаемыхъ отвсюду для храненія въ нашей библиотекѣ. Въ кучѣ этого раскольническаго сору попадаетъ кое-что и очень интересное. По поводу этихъ занятій въ библиотекѣ, и дома я уже занимаюсь чтеніемъ книгъ, преимущественно касающихся русскаго раскола. Книжнымъ занятіямъ моимъ, въ настоящую пору, благопріятствуетъ то, что я живу теперь нѣсколько помонашески, довольно уединенно: рѣдко, рѣдко кто заглянетъ ко мнѣ въ келью, — не то, что бывало въ кремлѣ. Ризница закрыта, а въ библиотечку охотниковъ не много; развѣ какой-ниб. страстный поклонникъ отечественной старины изрѣдка нарушитъ тамъ мои мирныя занятія. За то, если уже бывають у меня, въ настоящее время, посѣтителы, то большею частію люди знаменитые. Такъ, наприм., сегодня изволилъ быть у меня въ библиотекѣ высокопреосв. Григорій, архіеп. Казанскій, не столько впрочемъ въ качествѣ обыкновеннаго посѣтителя, сколько по своей надобности. Ему пужно было поискать въ нашихъ

¹⁾ Разумѣется магистерское сочиненіе покойнаго ректора Моск. т. ак. протоіерея С. К. Смирнова: *Предызображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Заветѣ (о востозавѣтныя прообразованія)*. Москва, 1852.

1852 г. рукописяхъ свѣдѣній о Казанской епархіи: и для сего онъ пробылъ у меня около 4-хъ часовъ. При этомъ онъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя порученія,—просилъ кое-что списать для него. Пріятно оказывать услуги такимъ высокимъ особамъ.

Въ настоящее, довольно свободное для меня время, я замышляю кое-куда попутешествовать, а именно въ новый Іерусалимъ, куда путешествовала и ваша Александра Васильевна,—и въ другія нѣкоторыя обители Московскія: по не знаю, получу-ли на это разрѣшеніе отъ владыки.

Относительно Григорія Петр. Быстрицкаго я долженъ, къ сожалѣнію, сказать вамъ, что дѣло его не состоялось. При всѣхъ его неоспоримыхъ достоинствахъ, не оказалось въ немъ одного—достаточнаго голоса, и это было единственною причиною къ отказу ему со стороны Императорскаго духовенства. Для придворнаго священника требуется де непременно твердый и сильный голосъ. Впрочемъ, эта неудача болѣе непріятна для меня, чѣмъ для Григорія Петровича.

Прощайте, любезнѣйшій другъ мой. Будьте здоровы и благополучны. Семейству вашему—мое усерднѣйшее почитаніе“.

26-го ч. писалъ мнѣ изъ Вознесенскаго посада, что при селѣ Ивановѣ, товарищъ мой по академіи, священникъ Ѳеодоръ Михайловичъ Остроумовъ:

„Давно я получилъ ваше письмо—выраженіе искреннихъ чувствъ нашего прежняго содружества. Благодарю васъ отъ души за добрую память.

Слава Богу, что вамъ опредѣлена должность, по вашей степени и трудолюбію. Дай Богъ преуспѣвать вамъ въ дѣятельности полезной и благодарной!

И моя судьба устроена. Скажу вамъ прямо, какъ истинному моему доброжелателю, настоящее мое положеніе ничего болѣе не заставляеть меня желать. Насущнымъ положительнымъ благомъ я очень доволенъ. Мое званіе опредѣляетъ высшій предметъ моего вниманія и дѣятельности,—это служеніе церковное и пивы сердець человѣческихъ. Какъ я воздѣлываю сіи нивы, судить Богъ, а самъ я вижу добрую мзду вола молотяща; говорю это, какъ сынъ вѣка сего, не равнодушнаго къ положительнымъ, земнымъ интересамъ. О высшихъ интересахъ не спрашивайте меня—жителя засельнаго. Они вамъ суждены. Живу я въ покоѣ

и довольствѣ, болѣе, нежели вдвое, имѣю выгоды, на своей 1852
 сторонѣ противъ наставника семинаріи. Приходъ мой не
 превышаетъ 400 душъ, но очень добръ. Вижу къ себѣ
 расположеніе строителей храма и прихожанъ. Къ тому-же
 добрые родные окружаютъ и наставляютъ меня. Вы ихъ
 знаете. Своимъ причтомъ доволенъ. Но, вѣдь, вѣтъ состо-
 янія безъ неприятностей, и на мою долю онѣ достаются, и
 отъ кого-же?—Отъ собратьевъ моихъ по званію — священно-
 служителей села Иванова. Мое должно имъ принадлежать—
 вотъ ихъ логика! Имъ однимъ суждено видѣть въ селѣ
 Ивановѣ благая Іерусалимова. А старшій изъ всѣхъ притя-
 зательнѣе и опаснѣе для меня. О. протоіерей съ своими
 клеветами вступилъ въ брань со мной, по дѣлу о погре-
 беніи при нашей церкви купца (Полушина), участвовавшего
 въ сооруженіи нашего храма, но не принадлежащаго къ
 моему приходу, но не успѣлъ. Дѣло извѣстно преосвя-
 щенному. Бѣды отъ лжебратіи. Мнѣ даютъ уроки осто-
 рожности и терпѣнія на дѣлѣ, послѣ нравственныхъ ака-
 демическихъ лекцій.

Желаю отъ души, чтобы исполнилось ваше желаніе —
 посѣтить родныя мѣста. Тогда, надѣюсь, на пути будетъ
 и наша слобода, и мой домъ осчастливится вашимъ драго-
 цѣннымъ присутствіемъ и благословеніемъ“.

29-го ч. писалъ мнѣ изъ Муромъ братъ моей тещи,
 соборный священникъ Василій Степановичъ Харизоме-
 новъ:

„Зная доброту души нашей, я осмѣливаюсь обратиться
 къ вамъ съ покорнѣйшею моею просьбою, и увѣренъ, что
 вы не оставите безъ вниманія оной.

Давно было желаніе, или лучше, обѣщаніе мое и жены
 моей, прилагаемый при семъ образъ Боголюбивыя Б. Матери
 украсить серебряною ризою; но этотъ обѣтъ и до сихъ
 поръ не выполненъ нами, а между тѣмъ совѣсть твердитъ
 объ исполненіи онаго. Къ несчастію, нашъ Муромъ слиш-
 комъ бѣденъ мастерами серебряныхъ дѣлъ, а потому и прошу
 васъ покорнѣйше принять на себя трудъ, поручить, кому
 вы лучше заблагоразсудите, сдѣлать на сей образъ ризу
 пробнаго серебра. Вѣроятно, вамъ многіе изъ Московскихъ
 серебряковъ извѣстны по своей честности и опытности въ
 работѣ. По совершеніи работы, прошу васъ покорнѣйше

1852 г. увѣдомить меня, что будетъ стоить риза, а я деньги не премину выслать съ 1 ю почтою.

Извините, любезнѣйшій, что я до сихъ поръ не имѣлъ счастья писать вамъ. Не подумайте, что чувство родное къ вамъ погасло во мнѣ; Богъ свидѣтель, что это чувство сохранится въ душѣ моей на всегда не измѣннымъ. Право, иногда черкнулъ-бы и я къ вамъ что-ниб., но при вашихъ мпоготрудныхъ занятіяхъ боюсь беспокоить васъ перепискою; и я до сихъ поръ ограничивался тѣмъ, что при перепискѣ съ вами родныхъ и знакомыхъ во всякомъ случаѣ просилъ передавать вамъ и мою любовь и почтеніе къ вамъ.

Что вамъ сказать о себѣ? Вы знали жизнь мою семейную, жизнь на службѣ? Она все таже и теперь, кромѣ заботъ о семействѣ: дѣти растутъ, растутъ съ ними и заботы, но да будетъ воля Божія! Намъ не устроить лучше того, какъ Ему угодно, а досетѣ благодарю Его и доволенъ Его милостию ко мнѣ.

Не слыхали-ли чего о преобразованіи нашей семинаріи а также и училищъ?—Давно были слухи о семъ, а все еще не вѣрилось. Но вотъ недавно получено вѣрное извѣстіе, будто о. ректоръ бывшій Евѣимій писалъ изъ Петербурга во Владиміръ, что уже утверждень штатъ на Владим. семинарію, а также и на училища, что онъ это не слышалъ, а видѣлъ своими глазами, и что всего больнѣе, священники не положены быть наставниками, развѣ, какъ онъ выражается, по особенному ходатайству. Приходитъ черныи годъ на насъ! Чтобы еще четыре годка повременить, и я бы тогда, можетъ быть, не пожалѣлъ сойти съ этой ступени. Сердце замираетъ: вы знаете наши доходы соборныя, можно-ли на нихъ содержать мнѣ съ семействомъ безбѣдно?—Но и тутъ да будетъ воля Божія!“

3-го іюня писалъ мнѣ изъ Владиміра Г. П. Быстрицкій:

„Изъ вашего письма я получилъ свѣдѣнія дополнительныя къ извѣстіямъ отъ матушки бывшей моей невѣсты. Изъ ея письма я только выводилъ предположеніе, что духовникъ кого-ниб. имѣетъ въ виду на мѣсто для меня закрытое. Съ полученіемъ вашего письма это предположеніе сдѣлалось несомнѣннымъ положеніемъ. Пусть будетъ, что будетъ! Больше ничево не могу желать, какъ счастья своей невѣстѣ, теперь уже несуществующей для меня. А здѣсь какой-

то охотникъ до силетней какой нелѣпный пустилъ слухъ, 1852 1
будто я выхожу на гражданскую службу въ Москву, имѣя
въ виду взять эту невѣсту. Увы! что людямъ не приходитъ
въ голову! Въ настоящее время у меня одна дума—о наукѣ,
одна любовь—къ литературнымъ занятіямъ. Не шутя соби-
раюсь послѣ вакаціи начать писать Психологію.

Владыка нашъ теперь во Владимірѣ не существуетъ, а
обвѣзжаетъ вѣдомство, возвратится 22-го или 23-го іюня. И
я очень радъ, что у меня экзамень по Св. Писанію совер-
шенъ будетъ въ его отсутствіе.

Здѣсь поговариваютъ, что предполагаемый штатъ въ
нашей семинаріи откладывается еще на 2 года. Это для
нѣкоторыхъ изъ наставниковъ было-бы очень полезно, по-
тому что другіе тянутъ уже послѣдніе годы, въ надеждѣ
почить на лаврахъ, подъ тепленькой сѣбною пенсіою“.

12-го ч. писалъ я въ Петербургъ Синодальному члену,
высокопреосвященному Григорію, архіепископу Казанскому:

„По желанію вашего высокопреосвященства, нижайше
представляю при семъ списки съ двухъ рукописей Москов-
ской Синодальной бібліотеки: 1) съ рукописи святѣйшаго
Ермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи, о явленіи
Казанской иконы Пресв. Богородицы, и 2) съ духовнаго
завѣщанія святителя Митрофана, епископа Воронежскаго.

Вашему высокопреосвященству угодно было приказать мнѣ
извѣстить васъ объ издержкахъ, имѣвшихъ быть при спи-
сываніи означенныхъ рукописей: честь имѣю доложить ва-
шему высокопреосвященству, что переписчикамъ мною за-
плачено 2 р. серебромъ.

За симъ, поручая себя вашимъ святымъ молитвамъ и
архипастырскому покровительству, имѣю честь быть“....

15-го ч. писалъ мнѣ Абакумовскій другъ, о. Мих. Гра-
меницкій:

„Имѣю честь при семъ принести вамъ нижайшую мою
благодарность за ваше письмо и книгу о прообразованіяхъ,
присланныя вами съ Евимомъ Ивановичемъ. Книгу я уже
прочелъ всю; точно, книга стоитъ вниманія,—и по моей
части для меня въ случаѣ очень полезна. Главное дѣло то,
что я узналъ изъ нея такія черты прообразовательныя, кои
прежде мнѣ и на умъ не приходили. Благодарю васъ,
другъ мой, что вы своимъ ко мнѣ расположеніемъ допол-

1852 г. няете недостатки моего познанія. Когда судьбѣ неугодно было, чтобы я вполне выслушалъ всю премудрость учебную, — я счастливымъ себя почитаю и за то, что вы изъясняете великодушно дружескую готовность снабжать меня средствами къ усовершенію моего познанія. Живши въ кругу деревенскомъ, гдѣ и что я могу узнать и услышать хорошее и поучительное? Одна книга — мой здѣсь учитель и наставникъ. Признаюсь вамъ, другъ мой, откровенно, живя здѣсь, я не нахожу лучшаго для себя занятія, какъ уединенно сидѣть съ книжкою или что-ниб. тачать (т. е. сочинять). Конечно, такихъ счастливыхъ часовъ достается мнѣ не много: — то въ приходѣ, то по дѣламъ житейскимъ, то ѣздишь съ становымъ по слѣдствіямъ, такъ что иногда цѣлую недѣлю не удастся и посмотрѣть на книгу, за то во всякое свободное отъ дѣлъ и должности время, не хвалясь открываюсь вамъ, не люблю сидѣть на улицѣ, не по моей также части заниматься пирушками и шумными бесѣдами, — лучшимъ всего для себя считаю уединеніе. Пусть судятъ обо мнѣ какъ знаютъ!

Въ настоящее время нашъ архипастырь въ путешествіи по епархіи, — сегодня (15-е ч.) долженъ былъ по росписанію служить въ Муромѣ и нынѣ же выѣхать; 21-е число сего іюня ожидаютъ возвращенія его во Владиміръ. Въ наши края не вздумаетъ ли, какъ толкуютъ знатоки его танинъ, въ концѣ августа. Бесѣды мои гостятъ еще у него: вѣрно нѣтъ времени заняться нашею мудростію.

Отъ новаго года еще наплелъ я бесѣдъ съ десятокъ, только что еще не произносилъ, и думаю не произносить до осени потому, что въ лѣтнее время почти пуста бываетъ у насъ церковь, а къ осени народъ соберется со сторонъ и расцветается съ полевыми работами, — и храмъ нашъ бываетъ тѣсно набитъ молящимися; — а при большомъ числѣ слушателей, охотнѣе какъ-то говорить, — можетъ быть, хоть изъ сотни слушающихъ найдутся двое или одинъ съ отверстымъ сердцемъ и вниманіемъ къ слову Божію.

Еще писать вамъ болѣе нечего доколѣ.

Когда выйдетъ въ печати Введеніе въ богословіе Макарія, не оставьте купить и прислать мнѣ, или еще не попадется-ли какая книжка занимательная по вашему вкусу".

21-го числа писалъ мнѣ изъ Владиміра Гр. П. Быстрицкій:

„Воспользовавшись случаемъ, не могу не посвятить вамъ 1852 г
хоть нѣсколько строкъ. Случай этотъ въ лицѣ наставника
здѣшней гимназіи—Петра Платоновича Малиновскаго, отпра-
вляющагося въ Москву.

Что?—какъ идутъ ваши дѣла? Напи такъ подвигаются
къ концу. Будущность, и уже близкая, невольно страшитъ;
мы со дня на день ждемъ штатовъ. Палъ слухъ, что Учеб-
ное Правленіе уже порѣшило это дѣло, и свое рѣшеніе пе-
реслало, между прочимъ, и въ Московск. академію, для
приведенія въ исполненіе по семинаріямъ, подвѣдомствен-
нымъ ей. „Что-то будетъ, что-то будетъ!“ Не получить-бы
паспорта на всѣ 4 стороны. *Sit, quod sit.* А между тѣмъ
я не только равнодушень, да и еще съ какимъ-то стран-
нымъ чувствомъ, похожимъ на радость, представляю себя
уволненнымъ изъ семинаріи. Главное меня утѣшаетъ то, что
вѣдь не съ пустыми же руками вышлютъ, а съ жалованьемъ,
по крайней мѣрѣ половиннымъ, впредь до будущихъ благъ,—
подобно тому, какъ поступаютъ съ гражданскими чиновни-
ками, подвергающимися той-же участи, по тѣмъ же обсто-
ятельствамъ. А вѣдь не дурно, лежа, что говорится, на
боку, получать окладъ жалованья, а я-бы между тѣмъ не
сталъ лежать на боку, нѣтъ, я бы воспользовался этой
свободой, и занялся, усильно занялся, что-бы послѣ изъ
меня что-ниб. да вышло.

Завтра у меня экзаменъ по Св. Писанію, и увы! завтра
ждемъ посѣтителя Карасевскаго, который уже, говорятъ,
давно выѣхалъ изъ Костромы, и направился на Владимірѣ.
Боже сохрани, если да придетъ на мой экзаменъ; чувствую,
что будетъ срѣзка, потому что ученики кое-какъ приготовили
лекціи. Авось Богъ не пронесетъ-ли какъ эту тучу!

Въ вакаціальное время хотѣлось-бы побывать въ Москвѣ,
но по всей вѣроятности это желаніе останется безъ испол-
ненія,—по финансовымъ расчетамъ, потому что непременно
надо быть на родинѣ; маменька моя очень не здорова. А
сдѣлать вояжъ въ Москву, и изъ Москвы до Быстриць,
станеть не дешево.

Сказать-ли вамъ, какой я удостоился чести—письма отъ
Федора Александровича Голубинскаго, да еще проситель-
наго. Вотъ рѣдкость, о которой я не мечталъ. И обязанъ
случаю. Если бы у меня не учился одинъ ученикъ, и, къ

1852 г. счастію моему, не сидѣлъ такъ низко, я, разумѣется, не удостоился бы этой чести“.

Того же 21-го ч. писалъ мнѣ изъ Ставрополя на Кавказѣ о. Моусей:

„Письмо ваше отъ 16-го мая я получилъ, за которое и благодарю васъ. Не отвѣчалъ я вамъ потому, что совершенно не о чемъ было писать къ вамъ въ столицу провинціалу.

Радуюсь, отъ души скажу вамъ, что не уважена просьба моего благодѣтеля—пресвященнаго Іереміи. Какъ можно сравнить Донской монастырь съ Нижегородской епархіей! Дай Богъ здоровья нашему мудрому монарху. Благодарю Бога, пресвящ. Іеремія по прежнему утѣшаетъ своими письмами меня круглаго сироту на Кавказѣ.

А что-же, кто теперь въ настоятели Донскаго монастыря поставленъ?

О себѣ не буду ничего говорить, а скажетъ все о мнѣ податель письма сего генераль-маіоръ Леценко Василій Давидовичъ. Моя къ вамъ усерднѣйшая просьба — поручководствовать его въ кремлѣ и въ Москвѣ, показавъ ему все замѣчательное; исполненіемъ моей просьбы обяжете меня до чрезвычайности. Свою ризницу, библіотеку, Николаевскій дворецъ, Грановитую палату,—покажите и все-все, что есть въ вѣдѣніи вашемъ замѣчательнаго. Вотъ вамъ и развлеченіе.

Если же вамъ некогда будетъ разъѣзжать съ Василіемъ Давидовичемъ по Москвѣ, то покорнѣйше прошу васъ съѣздить съ генераломъ къ его сіятельству князю Димитрію Николаевичу Урусову, живущему на Пречистенкѣ, въ приходѣ Троицы, что въ Зубовѣ, въ собственномъ домѣ. Съѣздите къ нему и передайте отъ меня ему глубочайшее почтеніе. Надѣюсь, что недоконченное вами исправитъ Димитрій Николаевичъ—прѣблагочестивѣйшій князь.

Надѣясь на ваше ко мнѣ расположеніе, я въ полной увѣренности остаюсь, что вы все сдѣлаете для Кавказскихъ монашъ пріятелей и земляковъ по Кавказу“.

30-го ч. почтилъ меня своимъ письмомъ высокопреосвященный Григорій, архіепископъ Казанскій, въ отвѣтъ на мое письмо отъ 12-го числа. Вотъ что изволилъ писать мнѣ его высокопреосвященство:

„Преподобнѣйшій отець!

1852 г

Препровожденные вами ко мнѣ списки съ двухъ рукописей 1) святѣйшаго Ермогена, патріарха Московскаго и всея Россіи о явленіи Казанской иконы Пресв. Богородицы и 2) съ духовнаго завѣщанія св. Митрофана, епископа Воронежскаго, мною съ благодарностію получены.

Употребленные вами для переписчиковъ означенныхъ рукописей два рубля серебромъ при семъ прилагаю.

Испрашивая на васъ Божіе благословеніе, имѣю честь быть вашего преподобія усерднѣйшій слуга“...

О полученіи денегъ я увѣдомилъ владыку 17-го іюля.

10-го іюля писалъ я въ Абакумово своему другу о. Граменицкому:

„Спѣшу, не дожидаясь окказіи, удовлетворить вашему давнему желанію: вотъ вамъ наконецъ и Введеніе въ богословіе знаменитаго Макарія: читайте, наслаждайтесь и назидайтесь имъ.

Письмо ваше отъ 15-го іюня, и при немъ буракъ куриныхъ произведеній, я получилъ 20-го числа. За то и другое приношу усерднѣйшую благодарность: первое пріятно, а послѣднія оказались очень вкусны. Благодарность за первое принадлежитъ неоспоримо вамъ: а признательность за послѣднія, безъ сомнѣнія, должна относиться къ Александрѣ Васильевнѣ.

Новаго о себѣ скажу вамъ то, что, пользуясь свободнымъ временемъ, я совершилъ нынѣшней весной 2 путешествія: въ лавру и Новый Іерусалимъ. Въ лаврѣ я былъ въ послѣдней половинѣ мая: погода была чудеснѣйшая. Тамъ пробылъ я 8 сутокъ: все видѣлъ и со всѣми видѣлся; провелъ время пріятнѣйшимъ образомъ; въ академіи и въ Виоавіи приняли меня такъ, какъ я не могъ и вообразать: такъ были всѣ ко мнѣ внимательны и обязательны! А сверхъ всего этого, я удостоился тамъ, паче всякаго чаянія, получить награду. Мой пріѣздъ въ лавру случился въ одинъ день съ прибытіемъ туда высокопр. митрополита: 25-го мая, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, владыка, назначивъ меня съ собою на служеніе въ Троицкомъ соборѣ, и во время службы замѣтивъ, что у меня нѣтъ при бедрѣ духовнаго меча, распорядился тутъ-же препоясать

1852 г. меня онѣмъ. Не столько важна, конечно, награда, сколько дорого вниманіе архипастыря.

Спустя недѣли три по возвращеніи изъ лавры, я отправлялся дня на три не болѣе въ Новый Іерусалимъ и Звенигородъ. Какое дивное зданіе — этого храма Воскресенія! Памятникъ, вполнѣ достойный великаго Никона! Быть въ Воскресенскѣ я считалъ священною для себя обязанностію, какъ блюстительъ памятниковъ патріаршихъ. А обитель св. Саввы Звенигородскаго—что это за чудное мѣсто по своему мѣстоположенію и окрестностямъ! Признаюсь, побывши тамъ, почти не хотѣлось возвращаться въ Москву: такъ понравилась мнѣ эта тихая, уединенная обитель.

По увѣ! послѣ такихъ отрадныхъ путешествій, я снова погрузился въ прежнюю суету: опять тѣ-же занятія, иногда довольно мелкія и пустыя, — та-же шумчая и разсѣянная жизнь, хотя, конечно, не въ такой степени, какъ это было прежде, и скоро будетъ опять въ кремль. Впрочемъ, переселеніе мое въ кремль едва-ли еще скоро будетъ, — развѣ къ глубокой осени: работы наши идутъ что то — очень медленно.

Что у васъ? Думаю, еще не убрались съ покосомъ. На бѣду православныхъ поселянъ и бездѣльныхъ Москвитянъ, погода-то стоитъ не совсѣмъ благопріятная: у первыхъ остановились, конечно, работы, а у послѣднихъ—гулянья. Что до меня, то я почти радъ такой погодѣ: не пыльно ходить въ кремль, и не душно сидѣть въ кельѣ и заниматься дѣломъ.

Желаю вамъ благополучно окончить полевые работы, и скорѣе приняться за книжное дѣло“...

27-го ч. писалъ мнѣ изъ Мурома родственникъ мой, соборный священникъ и учитель дух. училища В. С. Харизоменовъ:

„Душевно скорбѣлъ и скорблю что я за ваше расположеніе ко мнѣ и добрую услугу, плачу вамъ, такъ сказать, неблагодарностію, оставаясь до сихъ поръ должникомъ предъ вами.—Чѣмъ могу загладить вину мою предъ вами?—Признаніе, говорятъ, половина исправленія. Итакъ, скажу вамъ откровенно, что заставило меня измѣнить своему слову—выслать съ первою почтою деньги за сдѣланіе ризы на образъ? — За два дня до полученія онаго отъ васъ я

узналъ, что нашъ преосвященнѣйшій, который тогда былъ 1852 г уже въ Муромѣ, намѣренъ наградить меня набодренникомъ. Не имѣя въ наличности денегъ болѣе 25-ти р. серебр., кои были приготовлены на ризу образа, я по необходимости тогда приостановился отсылкою оныхъ вамъ, и въ 15-й день іюня, во время служенія архипастыремъ литургіи въ соборѣ, я дѣйствительно удостоенъ его милости и награжденъ набодренникомъ. Вы знаете, сколько при такихъ случаяхъ является поздравителей всякаго рода— а денежекъ, приготовленныхъ для отсылки вамъ, какъ не бывало. За тѣмъ наступили дни нашей ярмарки и я непременно рѣшился было отослать вамъ должное послѣ 25-го числа іюня, но услышавши отъ Прасковьи Абрамовны, что она вскорѣ собирается съ семействомъ въ дорогу и будетъ у васъ въ Москвѣ, я рѣшился воспользоваться сей окказіею лучше всякой почты. И вотъ теперь лишь пришло время этой несчастной для меня развязки. Сердитесь, браните меня сколько вамъ угодно: ибо я вполне заслужилъ это; но все—таки позвольте принести вамъ мою благодарность за ваше одолженіе и за то удовольствіе, какое вы доставили мнѣ, подаривъ меня такимъ безцѣннымъ подаркомъ, котораго я не ожидалъ. Риза на образѣ сдѣлана такъ прекрасно, что, судя по искусству въ работѣ и по добротѣ ея, никто не вѣритъ, чтобы она такъ дешево оцѣнена была вами; сто-кратно благодарю васъ за ваше вниманіе къ моей просьбѣ; прошу васъ передать мою благодарность и мастеру сей работы за его добросовѣстность. Благодарю васъ и за благожеланія, коими вы напутствуете меня, препровождая укра-шенный вами образъ Божіей Матери.

Что-же касается до просьбы вашей—помолиться предъ Муромскими чудотворцами и предъ престоломъ Божиимъ: то скажу откровенно, что я обязанность сію почиталъ и буду всегда почитать для себя священою.

Муромское училищное начальство получило уже предпи-саніе изъ правленія Владимірской семинаріи, а съ онымъ и правила о преобразованіи здѣшняго училища; оно должно начаться послѣ вакаціи, но объ увольненіи священниковъ отъ должности учительской не пишутъ ни слова. Между тѣмъ, по новому штату при здѣшнемъ училищѣ положено только 5 наставниковъ, а теперь на лицо 8, слѣд. 3 е

1852 г. лишнихъ; на кого падеть этотъ несчастный жребій, еще не извѣстно. Думаю съѣздить во Владиміръ и попросить, кого слѣдуетъ, на всякій случай“.

Изъ письма этого видно, какъ дорого, въ былыя времена, обходились священникамъ даже такія награды, какъ набедренникъ.—Пынь совсѣмъ не то...

28-го ч. писалъ мнѣ изъ Виоані о. ректоръ Леопидъ:
„Высокопреподобнѣйшій и многолюбезнѣйшій батюшка, отецъ ризничій ихъ святѣйшества!

Скоро, какъ кажется, буду имѣть удовольствіе пожить съ вами въ доказательство, что въ васъ никакого стѣсненія для себя не находилъ, не нахожу, если только для васъ стѣснителенъ не буду. Въ Москву зовутъ обязанности и сердце, здѣсь удерживаютъ обязанности и сердце. Что-жь дѣлать? Думаю покопчить здѣшнія обязанности и ѣхать къ Московскимъ. А что до людей съ добрымъ, расположеннымъ къ нимъ сердцемъ, — ихъ-то (простившись съ родными) пріѣду искать въ Знаменскій монастырь: такъ велитъ опытъ. А пока примите увѣреніе въ искренности моихъ чувствъ, въ которыхъ надѣюсь не измѣниться“.

30-го ч. писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Мих. Граменицкій:
„Приношу нижайшую благодарность за вашу заботливость въ поупкѣ Введенія въ богословіе, и за искреннее писаніе ваше. Пріятно читать въ письмѣ вашемъ милостивое вниманіе къ вашей жизни великаго архипастыря. Имѣю честь поздравить васъ съ сею милостію. Вы теперь совершенный воинъ Христовъ, — молю Господа Бога, — да укрѣпитъ ваше бдѣніе на стражѣ спасенія, — да обращается данный вамъ *мечъ духовный* на посѣченіе всѣхъ душевлѣнныхъ страстей и прилоговъ!

И я нѣсколько воодушевленъ въ дѣлѣ проповѣданія. Мои катихизическія бесѣды сданы отъ владыки съ его собственноручнымъ подписомъ: „благодарю за тщательность. Продолжать съ надеждою получить награду“. Теперь писать мнѣ будетъ нѣсколько смѣлѣе.

Вотъ еще осмѣливаюсь написать вамъ: у насъ не давно пронесся слухъ, что вы назначены къ нашей семинаріи въ инспектора. Правда-ли это? Новость сію принесли къ намъ семинары изъ Владиміра. Какъ-бы я радъ имѣть васъ къ себѣ поближе: но не знаю, будетъ-ли это по вашимъ мыслямъ.

Еще новаго у насъ ничего нѣтъ. Теперешнее время, —

однимъ словомъ: *суета*, сами знаете, отъ книгъ давно 1852 г отсталъ, да и перо рѣдко попадаетъ въ руки, только развѣ для необходимой метрической записи; одво орудіе въ рукахъ *грабли*, не дожидаться, кажется, когда окончатся наши полевые занятія“.

Подъ именемъ меча духовнаго, о которомъ упоминается въ письмѣ, разумѣется *набедренникъ*, полученный мною при особенныхъ обстоятельствахъ, — о чемъ я сообщалъ свосму другу въ письмѣ отъ 10-го іюля. Вотъ эти обстоятельства. О награжденіи меня набедренникомъ неоднократно напоминалъ митрополиту благорасположенный ко мнѣ протопресвитеръ Успенскаго собора, Василій Ивановичъ Заболотскій-Платоновъ; но владыка, желая самъ возложить на меня эту награду, не находилъ для сего удобнаго времени. Наконецъ въ маѣ 1852 г. я пріѣхалъ для богомолья въ Троицкую лавру, куда и митрополитъ прибылъ къ храмовому празднику Св. Троицы. Послѣ праздника въ педѣлю Всѣхъ Святыхъ, митрополитъ служилъ въ Троицкомъ соборѣ и за литургіею предположилъ наградить набедренникомъ профессора Виѣанской семинаріи, священника Дим. Вас. Разумовскаго. На служеніе былъ назначенъ и я. Когда мы, предъ малымъ входомъ, стояли посреди церкви, владыка, взглянулъ на меня и, всомнивъ, что у меня нѣтъ набедренника, тотчасъ послалъ іеродіакона въ алтарь сказать, чтобъ приготовили другой набедренникъ и для меня, который и былъ возложенъ на меня при маломъ входѣ.

11-го августа писалъ я въ Абакумово своему другу, о. Граменицкому:

„Удивляюсь, что вы до сихъ поръ не получали еще Введенія въ богословіе: оно послано было мною по почтѣ вмѣстѣ съ письмомъ, 10-го іюля. Отъ Московскаго почтамта у меня хранится росписка въ принятіи этой книги для отправления въ Покровскъ. По всей вѣроятности, книга гоститъ въ Покровскѣ: потрудитесь или сами при случаѣ, или чрезъ кого-ниб. навѣдаться въ Покровской почтовой конторѣ, получена-ли тамъ эта книга, или нѣтъ. Если окажется, что не получена: въ такомъ случаѣ я потребую объясненія у здѣшняго почтамта.

Что касается до непязей, то ихъ, по моему счегу, остается

1852 г. еще рубля 4 слишкомъ серебр. Когда этотъ запасъ финансовый истощится, тогда я дамъ вамъ знать.

Душевно радуюсь, что ваши труды по части проповѣданія слова Божія не оставлены безъ вниманія архипастыремъ.

Молва о назначеніи меня инспекторомъ Влад. семинаріи едва-ли сбыточна. Пока я не навлекъ на себя гнѣва высокопр. митрополита: думаю, что онъ не отринетъ меня; а безъ его соизволенія, кажется, не возможно перемѣщеніе меня на какую бы то ни было другую должность. Въ Москвѣ давно носится относительно меня другой слухъ, болѣе вѣроятный: назначеніе меня ректоромъ Заиконоспасскихъ училищъ, съ оставленіемъ, разумѣется, принастоящей должности ризничаго“.

21-го ч. писалъ мнѣ изъ Переславля Никитскій архим. Нифонтъ:

„Принося чувствительную благодарность за ваше пріятнѣйшее писаніе, спѣшу сказать вамъ о нашемъ торжествѣ:

16-го августа нашъ владыка отправлялъ всенощное бдѣніе въ селѣ Вельковѣ,—17-е число съ 8-ми часовъ утра начался крестный ходъ изъ градскаго собора въ село Вельково; въ 10-ть безъ четверти началась литургія въ селѣ, которую совершалъ владыка, о. Іеремія, Нифонтъ, мѣстный благочинный и приходскій священникъ; по заамвонной молитвѣ владыка говорилъ рѣчь, а по окончаніи литургіи начался крестный ходъ къ Богику и Памятнику ¹⁾; дошедши до аллеи, предъ которою окропляемы были святою водою триумфальныя ворота, а отъ нихъ къ памятнику; въ три ряда выстроены были Углицкій полкъ, который тотчасъ по окропленіи встрѣтилъ музыкою и въ слѣдъ за владыкою шелъ церемоніальнымъ маршемъ—до самага ботика; тутъ владыка окроплялъ ботикъ; за симъ едва владыка вышелъ изъ здаціи, гдѣ хранится ботикъ, къ памятнику, по сигналу мигомъ памятникъ открылся и раздались музыка и гуль 12-ти орудій—до 101 выстрѣла и памятникъ отъ владыки окропляемъ былъ св. водою; затѣмъ провозглашено многолѣтіе царств. фамиліи и совершена паннихида по государѣ Петрѣ I-мъ. Послѣ сего крестный ходъ тѣмъ-же путемъ возвратился въ церковь села Велькова, а войско отдавало памятнику военную почесть при звукѣ музыки. За симъ владыка, дойдя до дома,

1) Петра Великаго.

разоблачился, пилъ чай и закусывалъ; въ 3 часа начался 1852 г
обѣдъ и кончился въ 5; при провозглашеніи тостовъ гре-
мѣли пушки и попеременно играла музыка: военная и на-
рочито выписанная изъ Москвы отличная труппа музыкан-
товъ. Вечеромъ былъ фейерверкъ и танцы.

Владыкъ дворянство подарило посохъ въ 100 рублей
серебромъ,—черный съ серебряво-вызолоченнымъ верхомъ
и яблоками и съ надписью:

„Владимірское дворянство епископу Іустину августа 17 го
1852 года“.

За симъ прося св. молитвъ, низайше кланяюсь. Ниѳонтъ.

Стеченіе народа было чрезвычайно велико, какъ черня,
такъ и знати.

Если пожелаете, то пришлю рисунокъ этого памятника ¹⁾.

Со всѣхъ четырехъ сторонъ на немъ золотыя надписи:
сѣверъ—Петру Первому; *югъ*—Влад. дворянство; *востокъ*—
Указъ Петра I-го до слова о корабляхъ. *Западъ*—лестный
отзывъ Г. Имп. о Владимірск. дворянствѣ“.

29-го числа писалъ мнѣ изъ Абакумова о. Граменицкій:

„Августа 13-го нашъ діаконъ изъ Покрова съ почты
привезъ мнѣ дорогую вашу посылку,—Введеніе въ богосло-
віе. Не знаю какъ благодарить васъ за вашу обо мнѣ за-
ботливость? Теперь читаю, и подлинно наслаждаюсь этою
сладкою пищею словесъ Божіихъ.“

23-го ч. сего августа мы ожидали къ себѣ въ село архи-
пастыря, который въ день коронаціи служилъ въ Покровѣ;—
но онъ проскакалъ нашею Липнею прямо ко Владиміру;
а къ намъ завернули закусить одни пѣвчіе.

Наши работы полевыя всѣ окончены,—теперь забота о
приготовленіи къ празднику пива, а тамъ наступитъ и нашъ
шумный и веселый въ чувственномъ отношеніи праздникъ.
Что-же касается до меня, то почти будетъ равно, что и
теперь: ибо не бываетъ у меня на праздникахъ почти ни-
когда веселыхъ гулякъ“.

6-го сентября писалъ мнѣ изъ Владиміра другъ мой,
профессоръ Быстрицкій:

„Вотъ я и опять во Владимірѣ. Начинаю новый курсъ,

1) При этомъ, въ письмѣ, о. Ниѳонтъ изобразилъ и самый памятникъ Петру
Великому, освященный въ 1852 году

1852 г. знакомлюсь съ молодыми воспитанниками, изъ которыхъ нѣкоторые настоящіе птенцы — такъ малы, такъ юны, что не стыдно бы имъ сидѣть въ 3-мъ классѣ уѣзднаго училища.

5 недѣль вакаціального времени я провелъ безвыходно въ пог. Быстрицахъ, и признаюсь не скучалъ, пользуясь здоровымъ, и особенно у насъ здоровымъ сельскимъ воздухомъ, наслаждаясь природой, и пріятной бесѣдой съ родными. Родитель мой весьма не здоровъ; сильная одышка, отнимающая сонъ, препятствующая ходить: не можетъ войти въ верхнюю комнату, чтобы не задохнуться. Богъ вѣсть, что будетъ съ нимъ. Принималъ кой-какія мѣры по предписанію врача, и не было пользы. Впрочемъ службу и требы отиравляетъ, хотя съ большимъ трудомъ, самъ, — да онѣ еще болѣе разстраиваютъ его. Каково здоровье ваше? Жизнь въ Москвѣ въ лѣтнія жары тягостна и нездорова. Вы же живете въ центрѣ города.

На родинѣ я получилъ письмо отъ брата моей бывшей певѣсты. Пишетъ о новомъ женихѣ, заступившемъ мое мѣсто, и весьма не выгодно; видно изъ письма, что онъ имъ весьма не понравился. Они желаютъ снова меня, и потому просили извѣстить, не измѣнился-ли я въ расположеніи и въ намѣреніи — родниться съ ними. И я вскорѣ отвѣчалъ на письмо своимъ письмомъ въ лавру къ брату певѣсты; здѣсь высказалъ, что я съ своей стороны остаюсь въ тѣхъ же чувствахъ, что я готовъ вступить въ родство съ ихъ семействомъ, — и просилъ извѣстить меня поскорѣе о дальнѣйшемъ ходѣ ихъ дѣла съ г. Корольковымъ. По доселѣ не получаю извѣстія, и къ моему не удовольствію, — потому что я не люблю безпокойной нерѣшительности. Такъ или иначе, только бы узнать поскорѣе, — притомъ эта неизвѣстность связываетъ меня. Я перемѣнилъ помещеніе, занялъ болѣе обширное (хоть въ томъ же домѣ), и теперь для комнатъ нужно довольное число вещей пріобрѣсть. А если я проживу здѣсь не долго, къ чему же мнѣ эта мебель! Въ этихъ мысляхъ не рѣшаюсь обзаводиться, а между тѣмъ нужда въ этихъ принадлежностяхъ ощутительна. Между прочимъ и по этому хочется узнать поскорѣе ихъ мысли. Только мнѣ не вѣрится, чтобы мѣсто, въ которомъ я получилъ уже рѣшительный отказъ, опять разыгралось въ мою пользу.